

БИБЛИОТЕКА
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
МЕМОУАРОВ
«ИЗ ИСКРЫ
ВОЗГОРИТСЯ
ПЛАМЯ»

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» И «ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ»

Воспоминания участников
революционного движения
в Петербурге
в 1879—1882 гг.

Составители:
доктор исторических наук
В. Н. ГИНЕВ,
доктор исторических наук
А. Н. ЦАМУТАЛИ

Научный редактор
доктор исторических наук
С. С. ВОЛК

Дом Плеханова
№ 89-4275/2

Лениздат • 1989

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

Во второй половине июня 1879 г. в одной из рощ на окраине Воронежа собрались девятнадцать молодых людей — пятнадцать мужчин и четыре женщины, которых по внешнему виду можно было принять за отдыхающих горожан. В действительности это были члены тайного революционного общества «Земля и воля», избравшие Воронеж местом своего съезда. Они приехали сюда из Петербурга, Москвы, Тамбова, поволжских и южнороссийских городов, чтобы обсудить обнаружившиеся в их среде разногласия по ряду вопросов, программных и тактических.

Николай Морозов и Георгий Плеханов представляли два противоположных мнения на съезде, два его полюса — крайних террористов и бескомпромиссных деревенщиков. Июньский спор 1879 г. они продолжили десятилетия спустя, в своих воспоминаниях.

Вот как в 1906 г., выйдя из многолетнего заключения в Шлиссельбургской крепости, описывал свое столкновение с Плехановым Н. А. Морозов:

«...Плеханов, поднявшись со своего места и прислонившись к стволу большого дерева, сказал:

— Я прежде всего прошу Морозова прочесть свою статью в «Листке „Земли и воли“» по поводу политических убийств.

Уже давно готовый к этому, я вынул из кармана соответствующий номер „Листка“ и твердым по внешности голосом прочел свою статью, хотя и очень волновался внутренне.

— Вы слышали, господа, — сказал Плеханов. — Это ли наша программа?

Наступило тяжелое молчание, продолжавшееся с полминуты. Но вдруг оно было прервано одобрительным возгласом Фроленко, что именно так и нужно писать передовые статьи в революционных органах.

Плеханов побледнел, как полотно, и сказал взволнованным голосом:

— Неужели, господа, вы все так думаете? <...>

Все, за исключением четырех человек, согласились, что так и должно быть и что в моих статьях нет никаких противоречий со старой программой общества. <...>

Плеханов некоторое время стоял молча. Отношение деревенских членов „Земли и воли“ к новому направлению было для него, очевидно, совершенно неожиданно.

— В таком случае, господа, — сказал он, наконец, глухим, пе-

чальным, не своим голосом, — здесь мне больше нечего делать. Прощайте!

Он медленно повернулся и начал удаляться в глубину леса. Мне показалось, что он с усилием держится на ногах. <...>

— Господа! Нужно его вернуть, — воскликнула Вера Фигнер.

— Нет, — ответил Александр Михайлов взволнованным голосом, — как это ни тяжело, но мы не должны возвращать его».

В 1908 г. Г. В. Плеханов, с 1880 г. живший за границей и давно уже порвавший с народничеством, продиктовал Л. Г. Дейчу ответ Морозову:

«— Оставляя в стороне драматизм той части морозовского повествования, в которой говорится обо мне, я замечу, однако, вот что: Морозов, как нельзя больше, ошибается, воображая, что я ехал на Воронежский съезд с уверенностью в победе. Нет, этой уверенности у меня не было: я слишком хорошо знал наших народников».

И далее:

«...Мысль о выходе из „Земли и воли“ вовсе не явилась в моей голове так внезапно, как можно подумать на основании воспоминаний Морозова. Выход этот был для меня заранее обдуманном средством подтолкнуть народников к более решительной борьбе с террористами».

Итак, 1879 г. — борьба «народников» и «террористов» внутри тайного общества «Земля и воля»! Когда и как появились те и другие и почему между ними возникла борьба?

Народниками обычно называют народовольцев и их ближайших предшественников — революционеров-разночинцев 1870-х гг. В эти годы революционное народничество действительно переживало наиболее яркий период своего существования. Но понятие «народничество» имеет вместе с тем и более широкий, и более узкий смысл.

В широком смысле современные историки видят истоки народничества в 50-х гг. XIX в., а с другой стороны, доводят его до 20-х гг. нашего столетия, вплоть до тех пор, когда окончательно сошла с исторической сцены партия эсеров. Народничество, с его утопической идеей крестьянского социализма, — «это, — по определению В. И. Ленина, — целое миросозерцание... громадная полоса общ[ест]в[енной] мысли»*.

В самом узком смысле под народниками подразумевают землевольцев 1876—1879 гг. И этому есть вполне определенное основание: чтобы подчеркнуть свое лучшее понимание народных потребностей и отличить себя от предшественников — участников неудачного «хождения в народ» (1874—1875 гг.), именно землевольцы стали называть себя «народниками», только со второй половины 70-х гг. и вошел широко в обиход этот термин.

Учтя неудавшийся опыт недавнего массового похода в деревню, землевольцы изменили тактику. От «летучей» пропаганды они перешли к устройству постоянных «деревенских поселений», стараясь закрепиться в деревне под видом сельских писарей, фельдшеров, ремесленников, учителей. Такие замаскированные революционеры, рассеянные по уездам в предположительно перспективных в бунтовском отношении регионах страны и имеющие конспиративную штаб-

* Ленинский сборник, т. XIX, с. 237. Характеристику народнического (в широком смысле) миросозерцания см. в хронологически предшествующем томе «Библиотеки революционных мемуаров» — «Революционеры 1870-х годов» (Л., 1986, с. 34—42).

квартиру в соответствующих губернских городах, должны были постепенно войти в доверие к крестьянам и, пользуясь конкретными случаями столкновений крестьян с помещиками и властями, революционизировать их настроение, выявить и сплотить народных вожаков — и в итоге подготовить данную деревню или целую волость к восстанию по общему сигналу в подходящий момент.

Изменялось и содержание пропаганды. Восторженное толкование идеалов социализма, как это практиковалось в 1874 г., успеха у крестьян не получило. Крестьяне не понимали пропагандистов, пытавшихся убедить их в преимуществах коллективизма. Поэтому было решено вести пропагандистские беседы на уровне, доступном крестьянам: «отнятие земли у помещиков», «изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства», «учреждение... вольных автономных общин с выборными». Именно так рекомендовал вести разговоры с крестьянами печатный орган землевольцев газета «Земля и воля». Соответственно было записано и в программе: «Признавая невозможным привить народу при настоящих условиях другие, с точки зрения отвлеченной, может быть, и лучшие, идеалы, мы решаемся написать на своем знамени исторически выработанную формулу „Земля и воля“».

Эти два слова были признаны концентрированным выражением народных чаяний — «как их создала история», народной «программой». «Поэтому ее принимаем и мы, революционеры-народники», — говорилось в передовой статье первого номера «Земли и воли».

Г. В. Плеханов, заявив в 1908 г., что своими речами на Воронежском съезде в июне 1879 г. он хотел подтолкнуть народников к более решительной борьбе со сторонниками террористической тактики, под «народниками» подразумевал тех землевольцев, кто мыслил добиться достижения своих революционных целей не индивидуальным террором, а *посредством всеобщего народного восстания* и для его скорейшего возбуждения решил написать на своем знамени *народные* требования, «каковы они есть в данную минуту».

Однако надежды народников-землевольцев на новую тактику революционной работы в деревне не оправдались: создать тайные боевые дружины среди крестьян нигде не удалось, практически деятельность в крестьянстве свелась к обучению грамоте, к лечению, к помощи в тяжбах с помещиками и «мироедами». Но и это вызывало подозрение властей, и долго на одном месте продержаться было очень трудно. Как правило, через несколько месяцев работы участники «поселений», проживавшие обычно по подложным паспортам, во избежание ареста были вынуждены покидать насыщенные места; налаженные было связи с крестьянами обрывались. Живший в 1878 г. среди крестьян Саратовской губернии под видом волостного писаря талантливый народнический публицист А. И. Иванчин-Писарев наглядно изобразил обстановку, в которой приходилось действовать: «Вы не пьяница — „странно!“ Не берете взток — „удивительно!“ Написали грамотно бумагу — показывают: „посмотрите, как пишет этот писарь!“ Выписываете журнал — „како-ов!“ Словом, если вы, так сказать, по своим внешним признакам не уподобляетесь обыкновенному типу писаря — „загребале-пьянице“, вы уже „не отвечаете своему призванию“ и являетесь „личностью сомнительного происхождения“».

Трудности пропаганды, ее малая результативность действовали на многих участников деревенских поселений угнетающе, вызывали, как вспоминал О. В. Аптекман, «заметное чувство утомления работою в народе и горькое сознание, что один в поле — не воин». Но

разочарованности в народе не происходило, вера в способности крестьян воспринять речи революционеров при достаточно длительном пропагандистском воздействии сохранялась. В сознании землевольцев только полицейские препятствия являлись главной преградой между социалистами и народом. Александр Квятковский весной 1879 г. написал на листке бумаги, сохранившемся в землевольческом архиве: «Вопрос относительно поселений. При данных условиях нет веры». Примечательны слова — «при данных условиях». Имелись в виду, конечно, полицейские условия.

Участившиеся аресты пропагандистов, жестокие судебные приговоры и административные репрессии, содержание осужденных в ужасных каторжных централах вызывали в конце 70-х гг. все большее возмущение среди революционеров, у них крепло желание принять какие-то ответные меры: как заявил на следствии А. Д. Михайлов, «наряду с деятельностью в народе и обществе, организовать силу, задачей которой была бы борьба с наиболее грубыми и вредными для партии проявлениями правительственной системы».

В практические действия эти намерения вылились сначала в народническо-бунтарских кружках южных городов России — Киеве, Одессе, Харькове, Николаеве. Именно из Киева приехала в Петербург В. Засулич, которой было суждено 24 января 1878 г. своим покушением на петербургского градоначальника Трепова как бы открыть новую, террористическую, полосу в революционном движении. Выстрел Засулич сразу же эхом отозвался на юге. В Одессе была написана прокламация «Голос честных людей», в которой в связи с событиями в Петербурге заявлялось, что «уже настала фактическая борьба социально-демократической партии с этим подлым правительством». А 30 января автор прокламации И. М. Ковальский и члены его кружка оказали ожесточенное вооруженное сопротивление выследившим их жандармам.

1 февраля 1878 г. в Киеве был убит полицейский агент шпион Никонов. 23 февраля там же стреляли в товарища прокурора окружного суда М. М. Котляревского. Вскоре после этого участники покушения при аресте дали настоящий бой двум десяткам жандармов. Летом этого же года это повторилось в Харькове при аресте А. Е. Сентянина.

25 мая в Киеве революционеры казнили начальника одесского жандармского управления Г. Э. Гейкинга. 30 июня в окрестностях Харькова была сделана вооруженная попытка отбить у жандармов одного из организаторов «хождения в народ» П. И. Войнаральского, которого переправляли в Новобелгородскую каторжную тюрьму, а 9 февраля 1879 г. в самом Харькове был убит генерал-губернатор Д. Н. Кропоткин.

Убийства шпионов и вооруженные сопротивления случались в революционной практике и раньше, но с начала 1878 г. террористические акты приобретают систематический характер и все чаще направляются против представителей власти. Наиболее активные террористы из южнороссийских кружков стали называть себя Исполнительным комитетом социально-революционной партии. В конце 1878 г. — начале 1879 г. почти все они были арестованы.

Петербургские народники некоторое время сторонились террористических методов борьбы, продолжая направлять основные силы на укрепление деревенских поселений, но с лета 1878 г. и среди них появляются лица, не желающие более безответно сносить правительственные репрессии. Возмущенные стремлением шефа жандармов Н. В. Мезенцова ужесточить судебный приговор по делу 193-х

пропагандистов, они подготавливают покушение, и 4 августа шеф жандармов падает на одной из центральных площадей Петербурга, смертельно раненный кинжалом С. М. Кравчинского.

Через семь месяцев, 13 марта 1879 г., около Летнего сада едва не был застрелен новый шеф жандармов А. Р. Дренгельн подскравшим к его карете всадником. Покушение готовилось с одобрения или, по крайней мере, непротивления большинства членов Основного кружка «Земли и воли». Категорически возражал только Плеханов.

Скорее всего, он приводил те аргументы против увлечения террором, которые высказывались в передовой статье первого номера «Земли и воли» от 25 октября 1878 г.:

«Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. С борьбой против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только сам народ. Поэтому главная масса наших сил должна работать среди народа».

Но те, кто все более склонялся к систематическому применению террора, могли совершенно искренне сказать, что они действуют в рамках программы. Незадолго до убийства Мезенцова, в мае 1878 г., съезд землевольцев подтвердил тот пункт программы, который предусматривал «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства». Та же передовая статья первого номера «Земли и воли», наряду с возражениями против преувеличения роли террора, называла террористов охранительным отрядом и провозглашала «самую беспощадную войну» тем представителям правительственной администрации, которые допускали произвол по отношению к социалистам.

Все же в 1878 г. террор еще не стал наступательным средством борьбы за политическую свободу. Члены «Земли и воли» смотрели на него как на единственно доступный им способ «самозащиты» от преследования властей; террор был также орудием мести за те или иные наиболее жестокие их действия, за смертные приговоры судов.

«Смерть за смерть!» — было напечатано крупными буквами перед текстом прокламации по поводу убийства Мезенцова. Прокламация «Казнь Кропоткина» (датированная 11 февраля 1879 г.) после перечисления пунктов обвинения, послуживших основанием для данного террористического акта, заканчивалась новым предупреждением:

«Смерть за смерть, казнь за казнь, террор за террор! Вот наш ответ на все угрозы, гонения и преследования правительства. Пусть оно идет прежним путем, — и не успеют еще истлеть трупы Гейкина и Мезенцова, как оно снова о нас услышит!»

Правительство вновь услышало о революционерах через 15 дней: 26 февраля был убит шпион-provокатор Рейнштейн, выдавший членов Северного союза русских рабочих.

Внутри «Земли и воли» наиболее активные сторонники борьбы с правительственным произволом сгруппировались и стали называть себя, как и южане, Исполнительным комитетом, желая тем самым показать властям, что арестами южнороссийского Исполнительного комитета они не добились своих целей.

Приехавший в конце ноября 1878 г. в Париж Г. А. Лопатин сообщил Ф. Энгельсу о своих российских впечатлениях: «Социалистическая пропаганда среди крестьян, по-видимому, почти прекратилась. Наиболее энергичные элементы из числа революционеров перешли инстинктивно на путь чисто политической борьбы, хотя и не имеют еще нравственного мужества открыто признаться в этом и

хотя эта политическая борьба носит пока чрезвычайно узкий характер, ограничиваясь исключительно актами мести в отношении некоторых лиц и попытками освободить своих отдельных товарищей».

В начале 1879 г. обстановка в землевольческих деревенских поселениях еще более ухудшилась. Как видим, Г. В. Плеханов и его сторонники не без оснований высказывали еще осенью 1878 г. опасения по поводу «увлечения» террором в ущерб пропаганде в народе. Написанное Лопатиным нуждается лишь в одном уточнении: дело было не столько в отсутствии мужества «признаться» во вступлении на путь борьбы за политические и «буржуазные» свободы (вместо того чтобы готовить крестьян к социальной революции, как предписывалось землевольческой программой), сколько в непонимании, в неосознании того, что террор, даже во имя «самозащиты», — это уже «политика», поскольку любая борьба с властью есть борьба политическая.

Между тем от прокуроров, жандармских офицеров, губернаторов — виновников преследований социалистов, так сказать, на местном уровне, — жажда мести логически перешла на главный источник всей системы полицейского произвола в стране, на царя. Первые (неудачные) попытки покушений на Александра II были предприняты опять-таки более нетерпеливыми южанами — в Николаеве и Одессе летом 1878 г. в связи с ожидавшимся проездом царя через один из этих городов на пути в Крым. Затем главные события вновь переместились на север.

В конце марта 1879 г. в Петербург из Саратовской губернии приехал А. К. Соловьев, долгое время слышавший за мирного, уравновешенного пропагандиста, и заявил товарищам о своем твердом намерении убить Александра II. Соловьев входил в народническую группу В. Н. Фигнер, идейно близкую к «Земле и воле», но организационно самостоятельную. «Безрезультатной была при существующих политических условиях жизнь революционера в деревне — таков был вывод, сделанный, по свидетельству В. Фигнер, А. Соловьевым. — Какой угодно ценой надо добиваться изменения этих условий и прежде всего сломить реакцию в лице императора Александра II — и он решил, что убьет его». Он говорил, «что с одобрения товарищей или без него, едет в Петербург и свое дело делает».

В Петербурге А. Соловьев обратился к нескольким знакомым землевольцам с просьбой помочь в осуществлении его намерения. При этом он хотел, чтобы помощь была оказана не на личной основе, а, так сказать, официально, от имени землевольческой организации. Вопрос об этом был поставлен на Большом совете «Земли и воли» в последних числах марта.

Все мемуаристы согласно свидетельствуют о бурном обсуждении, о резком споре, доходившем до личных выпадов, разгоревшемся между сторонниками и противниками царевубийства. Вначале дебаты шли в практической плоскости — каковы могут быть последствия возможной неудачи, поймет ли народ мотивы убийства царя, имя которого связано с отменой крепостного права. Но в конце концов вопрос перерос, как отметил О. В. Алтекман, из тактического в принципиальный.

Народники 70-х гг., и землевольцы в том числе, были противниками борьбы за политические свободы, если их осуществление предполагалось в рамках монархического или буржуазного государства. По их анархическим представлениям от таких свобод играет только буржуазия, которая организуется и еще более закабалит народ, а крестьянину свобода без земли не нужна. Поэтому они

не желали политических перемен отдельно и прежде преобразований социальных, социалистических. Политический и социальный перевороты они мыслили происходящими только одновременно. Но убийство главы государства, царя, — акт, несомненно, политический. К тому же Соловьев хотел этим добиться от *существующего* правительства *свободы* пропаганды в крестьянстве. Все это вступало в коренное противоречие с бытовавшими взглядами.

Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, М. Р. Попов и др. выступили против поддержки Соловьева, но среди землевольцев нашлось довольно много и сочувствовавших ему; среди них — А. А. Квятковский, А. Д. Михайлов, А. И. Зунделевич, Н. А. Морозов. В результате пошли на компромисс: «Земля и воля» как организация отказалась содействовать подготовке покушения, но отдельным ее членам не запрещалось помогать Соловьеву в качестве частных лиц. Дальнейшее развитие событий лучше всего передать словами В. Фигнер:

«Морозов достал ему большой револьвер через посредство доктора Веймара, стоявшего близко к кружку чайковцев и поплатившегося каторгой за эту покупку. Ежедневно Соловьев ходил в тир упражняться в стрельбе. С какой уверенностью говорил он, что промаха не даст! Однако 2 апреля 1879 г. все пять выстрелов, которые он дал в Александра II на площади Гвардейского штаба, во время прогулки царя, миновали императора. Проглоченный Соловьевым цианистый калий не привел к смерти, которая должна была покрыть тайной его имя. Признаки отравления были тотчас замечены, и противоядие спасло жизнь для суда и смерти через повешение. На суде Соловьев вел себя с присущим ему невозможным спокойствием и подробно выяснил причины, побудившие его к покушению. ...28 мая 1879 г. А. К. Соловьев был казнен на Смоленском поле в 10 ч. утра в присутствии 4-тысячной толпы. В то время ему было 33 года...»

В среде сторонников террора постепенно происходило осознание его политического значения. Из акта самозащиты и мести террор превращался в средство политической борьбы — борьбы за политические свободы, которые приобретали теперь ценность в глазах революционеров как необходимое *предварительное* условие для деятельности в народе. «Листок „Земли и воли“», редактируемый Морозовым, писал в связи с покушением Соловьева:

«Этот дикий произвол, отнимающий у социалистов всякую возможность действовать, превратил их в революционеров, кинул их на путь вооруженной борьбы и завязал их отношения к правительству в такой узел, что им теперь остается сказать: вы или мы, мы или вы, а вместе мы существовать не можем».

В мае 1879 г. «террористы» сделали еще один шаг в сторону обособления от народников-«деревенщиков». Примерно полтора десятка человек тайно от своих товарищей образовали внутри «Земли и воли» террористическую группу «Свобода или смерть». Она имела свой устав, располагала конспиративными квартирами и динамитной мастерской.

Когда происходили споры вокруг Соловьева, в Петербурге находилась только треть всех членов Основного кружка «Земли и воли». В связи с обострением разногласий между «деревенщиками» и «террористами» у тех и у других возникло стремление собраться в полном составе и вновь обсудить вопрос о дальнейшем направлении революционной деятельности.

«...Я выехал из Петербурга, за два дня до покушения Соловьева, с полномочием созвать съезд землевольцев в одном из городов

средней России», — вспоминал «деревенщик» М. Р. Попов. Один из редакторов газеты «Земля и воля», Л. А. Тихомиров, склонявшийся к террору, писал впоследствии, что в то же время «террористы», действуя тайно, решили съехаться сначала отдельно, еще до общего землевольческого съезда, и провести смотр своим силам. Местом встречи они избрали Липецк — недалеко от Тамбова, где должен был собраться общий съезд.

За несколько дней до него — 15 июня в Липецке собрались 11 человек. Это были землевольцы А. И. Баранников, А. А. Квятковский, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, М. Н. Ошанина, Л. А. Тихомиров, М. Ф. Фроленко; они пригласили близкого к землевольцам С. Г. Ширяева и не входивших в «Землю и волю», но известных своей склонностью к политической борьбе «южан» — Г. Д. Гольденберга, А. И. Желябова и Н. Н. Колодкевича.

Собравшиеся обсудили привезенные с собой проекты дополнений к землевольческой программе и уставу. После согласования в своем узком кругу их предполагалось внести на рассмотрение общего землевольческого съезда и добиваться там их принятия. Тексты этих документов не сохранились, и историки восстанавливают их приблизительное содержание по разноречивым мемуарным свидетельствам, по показаниям участников Липецкого съезда, данных ими на следствии или во время судебных процессов.

Пожалуй, наиболее объективно суть обсуждения в Липецке изложил С. Г. Ширяев в записке на имя прокурора, написанной во время нахождения под следствием в июле 1880 г. Хотя в Липецк съехались люди, согласные в главном — в необходимости политической борьбы с самодержавием, но и среди них обнаружились различные оттенки взглядов на эту проблему. «Некоторые, — писал Ширяев, — придавали этому элементу лишь временное и очень условное значение», другие же считали «игнорирование такого важного вопроса с самого начала большим недостатком народнической программы». «Но так как большинство отстаивало первое мнение, то в этом смысле и была принята резолюция: пополнить народническую программу временным допущением политической борьбы с целью достижения условий, при которых была бы возможна идейная борьба во имя чисто социалистических требований».

Таким образом, настроение, которое назревало в революционной среде по крайней мере два года, оформилось в середине июня 1879 г. в письменный документ — программу или программную декларацию. Впервые в народническом документе были разделены демократические (чисто политические) и социалистические задачи и цели. И то, что это было сделано, по-видимому, с оговорками, «временно», не умаляло важность программного нововведения, порывающего с анархизмом.

Большинство участников съезда высказалось за устранение революционным путем царизма, но Желябов допускал в крайнем случае и возможность введения конституции, дающей политические свободы, но сохраняющей на какое-то время монархию.

Разногласия вызвал вопрос и о средствах достижения политических целей — каким путем целесообразней добиваться ликвидации неограниченного самодержавия?

На крайних террористических позициях стоял Н. А. Морозов. Он предлагал «бороться по способу Вильгельма Телля», «один на один», «помимо народных масс». Он утверждал, что одним индивидуальным террором, только силами членов небольшой революционной организации, можно принудить царя к уступкам, Морозов писал

впоследствии, что его предложение было в Липецке единогласно принято. В действительности его поддержал один Г. Гольденберг. Главную роль в формулировании основных положений липецкой программы сыграл Желябов. По его собственным словам (он сказал это на судебном процессе по делу об убийстве Александра II), в Липецке был намечен «путь насильственного переворота путем заговора, для этого организация революционных сил в самом широком смысле». Примерно в том же духе высказались впоследствии М. Фроленко, А. Квятковский, С. Ширяев, А. Михайлов. В каком именно смысле понималась организация революционных сил, будет сказано ниже, при анализе программных документов «Народной воли»; там же — и о роли и месте террора среди прочих средств борьбы.

Сговорившись в основном, участники Липецкого совещания 17 июня отправились на общий землевольческий съезд, чтобы выступить там единым фронтом и добиться изменения программы «Земли и воли». В случае неудачи они готовы были отделиться и создать самостоятельную организацию.

Место общего съезда пришлось срочно изменить. Намеченный вначале Тамбов оказался скомпрометированным: начавшие было съезжаться туда землевольцы неосторожно обратили на себя внимание полиции. Тамбов был заменен на соседний Воронеж.

Пока «политики» сепаратно совещались в Липецке, остальные участники съезда, постепенно сосредотачиваясь в Воронеже, тоже устраивали частные предварительные обсуждения программных и тактических вопросов. На них обнаружилось, с одной стороны, намерение и впредь, согласно действующей землевольческой программе, отдавать предпочтение деятельности в крестьянстве, а с другой — не выявилось и резкого неприятия городской террористической тактики. Непримируемую позицию занимал только Плеханов, считавший, что увлечение террором непременно приведет к свертыванию работы в деревне. Но ему не удалось убедить остальных «деревенщиков» предъявить ультиматум «террористам»; его товарищи склонны были искать какое-то компромиссное решение и не хотели рисковать опасностью раскола «Земли и воли».

Общий землевольческий съезд, вошедший в историю под названием «Воронежского съезда», начался 18 июня и продолжался три дня. В первый день в «Землю и волю» было принято значительное количество новых членов — как сторонников террора и политики, так и «деревенщиков». Некоторых приняли заочно, а несколько человек стали тут же участниками съезда. Всего в Воронеж съехалось 19 человек, но они представляли большее количество членов «Земли и воли», так как кое-кто обладал двумя-тремя голосами по поручению оставшихся на местах товарищей.

В землевольческом архиве сохранились отрывочные записи итогов голосования по некоторым вопросам. Наибольшее количество голосов «за» и «против» в сумме составляет 37. Съезд получился вполне представительным: на нем присутствовали члены Основного кружка «Земли и воли», делегаты от местных групп и от групп «сепаратистов», находившихся с «Землей и волей» в федеративных отношениях.

Специально занимавшаяся историей Воронежского съезда В. А. Твардовская установила, что из числа лично приехавших в Воронеж 9 человек являлись «политиками» (А. И. Баранников, А. И. Желябов, А. А. Квятковский, Н. Н. Колодкевич, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, М. Н. Ошанина, Л. А. Тихомиров, М. Ф. Фро-

ленко) и 10 «деревенщиками» (О. В. Аптекман, Н. А. Короткевич, О. Е. Николаев, С. Л. Перовская, Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, Е. Д. Сергеева, Г. М. Тищенко, В. Н. Фигнер, С. А. Харизоменов).

Несмотря на желание большинства присутствовавших не обострять отношений, споры все же разгорелись, и прежде всего, конечно, по коренным вопросам. Пункт за пунктом зачитывалась старая программа «Земли и воли», и в итоге «деревенщики» настояли на ее сохранении. Было сделано только два, правда существенных, дополнения.

Пропагандистская и организаторская работа в деревне дополнялась «аграрным террором». Под этим подразумевалась организация тайных боевых дружин для расправы с наиболее вредными представителями местных властей и помещиками. «Деревенщики» чувствовали, что надо оживить деятельность в крестьянстве, сделать ее яркой и привлекательной для нетерпеливой революционной молодежи, тем самым привлечь ее в деревню. «Аграрный террор» призван был также показать крестьянам силу революционеров, поднять их авторитет. Реально аграрный террор («народная дезорганизация») остался на бумаге, но в тот момент он казался выходом из кризисного состояния землевольческих деревенских поселений.

Второе дополнение касалось отношения к террору в городах. Вопрос этот, по свидетельству О. В. Аптекмана, дебатировался «страстно и бурно», много говорилось о необходимости рассматривать террор как инструмент политической борьбы. Особенно настаивали на этом Желябов и Михайлов. Но им все же не удалось ввести элемент политики в землевольческую программу. Большинство участников съезда по-прежнему рассматривало террор только как оборонительное средство в ответ на правительственные репрессии. Но «террористам» была сделана важная уступка: подтверждалось право на существование специальной автономной террористической «дезорганизаторской» группы внутри «Земли и воли», причем было решено дать ей «особое развитие». Единогласно принятое постановление съезда об основных направлениях революционной борьбы формулировалось в конечном итоге следующим образом:

«Так как русская народно-революционная партия с самого возникновения и во все время своего развития встречала ожесточенного врага в русском правительстве, так как в последнее время репрессалии правительства дошли до своего апогея, съезд находит необходимым [ым] дать особое развитие дезорганизационной группе в смысле борьбы с правительством, продолжая в то же время и работу в народе в смысле поселений и народной дезорганизации».

Были распределены финансовые средства «Земли и воли»: на террористическую деятельность — $\frac{1}{3}$ бюджета, на деревенскую — $\frac{2}{3}$. «Террористы» согласились на это, так как не без оснований полагали, что на практике все будет иначе.

Казалось, все основные спорные вопросы компромиссно разрешены, и съезд может мирно закончить свою работу. Но неожиданно страсти разгорелись вновь. О. В. Аптекман пишет о возникших заново «преприательствах» по вопросу об убийстве Александра II. «Деревенщики» заколебались, и большинством было решено оказать будущим организаторам поощрения «содействие и деньгами, и людьми». «Террористы торжествовали», — вспоминал Аптекман. Но Плеханов, который конечно же был среди голосовавших против, негодовал. Только что постановили сохранить за деревенской деятельностью приоритет в финансировании, как задуманное террористами

новое грандиозное предприятие грозит поглотить львиную долю и средств, и людей!

Обстановка накалилась еще больше, когда стали обсуждать направление печатных органов — газеты «Земля и воля» и «Листка „Земли и воли“». Последний редактировался крайним террористом Н. А. Морозовым. Само обсуждение красочно описано Аптекманом. Плеханов стал зачитывать наиболее одиозные, с его точки зрения, места из передовой статьи второго номера «Листка». Политические убийства характеризовались там не только как «единственное средство самозащиты», но и как «один из лучших агитационных приемов», способ заставить «содрогаться всю систему», «самое страшное оружие для наших врагов», «одно из главных средств борьбы с деспотизмом». И как венец апофеоза террору: «Политическое убийство — это осуществление революции в настоящем».

И когда большинством голосов было подтверждено право «Листка» высказываться в подобном духе, «принимая во внимание особенности данного момента» (О. В. Аптекман), то произошла та сцена, с описания которой начинается эта статья. Вот как запечатлелась она в памяти В. Фигнер: «...Плеханов, с силой защищавший свою позицию и видевший, что присутствующие склонны к соглашению, с гневом поднялся с места и покинул собрание, происходившее на лужайке в ботаническом саду, за городом. Уходя, он бросил слова: „Мне нечего больше здесь делать!“ Я бросилась, чтоб удержать его, но Ал. Михайлов остановил меня: „Оставьте его“, — сказал он».

Демарш Плеханова не оказал влияния на исход съезда. Он, как уже говорилось, закончился компромиссом. Но очень скоро выяснилось, что достигнутое на нем соглашение оказалось нежизненным и потому непрочным.

И «политики», и «деревенщики» старались укрепить свои позиции, привлечь к себе новых сторонников. Еще на Воронежском съезде, писал в 1882 г. Л. Тихомиров, Желябов в частных беседах склонял кое-кого на свою сторону. «Особенно хлопотал он около Софьи Перовской». Но в то время Перовская еще «крепко стояла за свои взгляды, и не раз Желябов говорил, пожимая по обыкновению плечами: „Нет, с этой бабой ничего невозможно сделать“». В. Фигнер вспоминала: «...с первой же встречи в Воронеже мой давний друг Морозов делал всякие подходы, чтоб привлечь меня в свою тайную группу... Но я не поддавалась». Однако вскоре и Перовская, и Фигнер заняли видное место в образовавшейся «Народной воле».

В свою очередь, и «деревенщики» смогли пополнить народнические ряды такими известными и авторитетными революционерами, как В. Засулич, Л. Дейч, П. Аксельрод, Я. Стефанович. Последний приехал в Петербург с предложением вновь попытаться организовать массовое крестьянское выступление в Чигиринском уезде Киевской губернии, что значительно повысило авторитет «деревенщиков», но обострило разногласия по поводу распределения денежных средств между городскими и деревенскими мероприятиями.

После съезда и «политики», и «деревенщики» продолжали дискутировать в молодежных аудиториях Петербурга и Москвы. Народнице Г. Ф. Бохановской-Чернявской запомнилось, что «основными спорщиками были Плеханов и Аптекман, с одной стороны, Желябов, Тихомиров, Ошанин — с другой». Представители обеих фракций совершили поездки по провинциальным кружкам, агитируя за свое понимание насущных задач. В дискуссию включились даже

сидевшие в тюрьме землевольцы, приняв сторону «деревенщиков».

Читатель узнает об обстановке внутри «Земли и воли» после Воронежского съезда из воспоминаний М. Ф. Фроленко и О. В. Аптекмана. Споры и взаимные обиды переплетались в это кризисное для землевольцев лето 1879 г. с боязнью ослабить расколом революционное движение, с болью из-за рвущихся давних товарищеских связей.

В биографическом очерке о С. Перовской, опубликованном народовольцами в 1882 г. в Женеве, говорится, что Перовская «была в числе лиц, успевших на два месяца задержать этот раскол... Она доказывала, какой вред произойдет от распада организации „Земли и воли“ и скорее молила, чем аргументировала, как его избежать».

«Целых два месяца после Воронежского съезда, — писал Н. Морозов, — вся деятельность нашего тайного кружка уходила на улаживание ежедневно возникавших внутри его недоразумений между двумя фракциями, собиравшимися отдельно в окрестностях Петербурга. Всякая идейная и практическая деятельность совершенно прекратилась. Несмотря на все усилия соединить несоединимое, у нас ничего не выходило. Все связующие нити между двумя группами рвались, как паутина, при первой попытке начать какое-либо серьезное дело. У большинства товарищей все более и более терялась ровность характера. Стали возникать несправедливые нарекания одних лиц на других и интриги одной фракции против другой». В конце концов, по словам А. Михайлова, «стало немыготу», и решили, что «гораздо лучше разделиться, чем выносить тот ежедневный ад, который вытекает из различия взглядов!»

* * *

15 августа 1879 г. в дачном пригороде Петербурга — Лесном собрался последний съезд «Земли и воли». Здесь на лесной поляне окончательно решилась судьба организации. С этого дня «Земля и воля» перестала существовать, а ее бывшие члены составили две самостоятельные революционные партии.

Специальный документ, названный федеральной конституцией, регулировал условия раздела. В частности, было решено, что ни одна из сторон не возьмет старое название. «Деревенщики» унаследовали «землю». Созданная ими организация получила название «Черный передел». «Политики» унаследовали «волю». Учредительное собрание «политиков» состоялось в Петербурге, на квартире В. Фигнер и А. Квятковского. Присутствовало человек пятнадцать, они решили назвать свою новую организацию «партией Народной воли». «Вы видите, — писал Н. Морозов в своих воспоминаниях, — что каждая из двух распавшихся частей самим своим именем хотела показать, что в одной преобладающее значение приписывалось аграрным вопросам, а в другой — гражданской свободе».

«Политики», которые отныне получили название «народовольцев», унаследовали землевольческую типографию и запас шрифта, а также паспортное бюро. Чернопеределцам передавались типографские принадлежности, хранившиеся в Смоленске. Окончательный раздел несколько затянулся и был осуществлен в конце 1879 г. специальными уполномоченными.

«Народной воле» было суждено сыграть яркую роль в истории

русского революционного движения. Во главе ее стал Исполнительный комитет — преемник двух более ранних Исполнительных комитетов — южного и землевольческого. Он состоял из опытных революционеров, за плечами которых было уже немало лет борьбы с царизмом.

Одним из первых, если не самым первым постановлением Исполнительного комитета было вынесение им 26 августа смертного приговора Александру II.

Среди первоочередных дел значилось также налаживание издания газеты — официального печатного органа партии. За решение этой задачи народовольцы взялись уже в 20-х числах августа. А в начале октября шеф жандармов А. Р. Дрентельн был вынужден доложить царю: «С тяжелым и прискорбным чувством вижу себя обязанным донести вашему императорскому величеству, что вчера появился первый номер новой подпольной газеты под названием „Народная воля“». Всячески стараясь умалить значение нового революционного издания, Дрентельн в то же время признавал, что «самый факт появления подпольной газеты представляет явление в высшей степени прискорбное, а лично для меня крайне обидное».

«Итак, после нескольких месяцев молчания свободное слово снова раздается в Петербурге. По-видимому, этого не ожидали наши враги и на это мало надеялись наши друзья» — такими словами открывался первый номер «Народной воли», датированный 1 октября 1879 г.

В заявлении «От редакции» объяснялось, почему прекратилось издание «Земли и воли». Редакция декларировала свою солидарность «с принципами, которые развивала „Земля и воля“», и в то же время заявляла о необходимости применять «старые принципы сообразно с историческими условиями».

Редакционная статья, написанная Л. Тихомировым, раскрывала это последнее положение. «Хождение в народ», предпринятое демократической молодежью в 1874 г., ее намерение сразу поднять крестьян на всеобщее восстание называлось политической иллюзией: мужик жестоко обманул розовые надежды пропагандистов. Длительная же пропаганда в народе при существующих политических условиях уподоблялась наполнению «бездонных бочек Данаид». И далее следовала знаменитая фраза о том, что революционная партия стоит перед выбором: или взять на себя «инициативу противуправительственного похода и политического переворота», или «по-старому игнорировать политическую деятельность, тратя все силы на то, чтобы биться около народа, как рыба об лед». Автор статьи доказывал, что русское правительство находится в настоящий момент в изоляции от всех слоев общества и потому «наш прямой расчет — перейти в наступление и сбросить с своего пути это докучливое препятствие, не дающее нам действовать». Во втором номере «Народной воли», вышедшем в ноябре, дополнительно к этим аргументам развивалась мысль о том, что передача государственной власти народу — единственная гарантия от закабаления его нарождающейся буржуазией, которая сама стремится к власти. И с этим надо спешить, «пока еще не поздно».

Программные статьи в «Народной воле» отразили взгляды большинства членов Исполнительного комитета в период, когда выработывалась программа новой организации. В процессе обсуждения программы выявилось различное понимание как целей политической борьбы, так и ее форм. Проект программы обсуждался не только в Исполнительном комитете; с ним знакомились остальные

члены «Народной воли», его посылали в провинциальные группы. С учетом различных мнений и поправок «Программа Исполнительного комитета» была напечатана в январе 1880 г. в третьем номере «Народной воли»; затем несколько раз ее издавали отдельными листками.

Наряду с опубликованной программой весной 1880 г. была составлена секретная инструкция, называвшаяся «Подготовительная работа партии». В ней более подробно рассматривались такие вопросы политического переворота, которые нельзя было обсуждать в открытой печати.

В «Программе Исполнительного комитета» подчеркивалось, что народовольцы по своим убеждениям социалисты и народники. В этом состояло то общее, что роднило их со всеми народническими течениями. Ставя конечной целью переустройство общества в социалистическом духе, они, как и все народники, видели в народном сознании и в некоторых народных обычаях зачатки социализма, верили, что стоит снять с народа самодержавный гнет, как «в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы».

Но в отличие от землевольцев народовольцы считали, что сначала надо произвести демократический политический переворот, а уже затем проводить в жизнь социалистические преобразования. Народовольческой программой предлагалось «популяризировать во всех слоях населения идею демократического политического переворота, как *средство социальной реформы*». Это было новым словом революционной народнической теории. Народническое движение выводилось тем самым на какое-то время из кризиса, вызванного неудачей землевольческих деревенских поселений. Впереди открывался новый, еще не испытанный, но, казалось, перспективный путь борьбы. Это воодушевляло, придавало новые силы и импульс к деятельности.

Для осуществления политического переворота предполагалось создать сеть тайных обществ по всей России, подчиненных Исполнительному комитету. Далее в программе было записано о необходимости приобретения «влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе».

Что касается народа, то ему в программных народовольческих документах отводилась роль важной, но все же вспомогательной силы. «Главная задача партии в народе — подготовить его *содействие* (выделено нами. — *Сост.*) перевороту», — говорилось в Программе ИК. В секретной инструкции «Подготовительная работа партии» в таком порядке перечислялись пункты действий по подготовке восстания:

«...Главнейшими задачами нашей подготовительной работы является следующее:

- 1) создание Центральной боевой организации, способной начать восстание;
 - 2) создание провинциальной революционной организации, способной поддержать восстание;
 - 3) обеспечить восстанию поддержку городских рабочих;
 - 4) подготовить возможность привлечения на свою сторону войска или парализования его деятельности;
 - 5) заручиться сочувствием и содействием интеллигенции — главного источника сил при подготовительной работе;
 - 6) склонить на свою сторону общественное мнение Европы».
- В этом перечне обращает на себя внимание отсутствие пункта

о работе среди крестьян. Правда, в другом месте инструкции указывалось, что местные группы в ряду других дел «должны заранее заручиться... влиянием на крестьянство». Но далее разъяснялось: «Не ведая массовой пропаганды, должно, однако, сходиться с лучшими из крестьян, обращая их, по возможности, в сознательных сторонников партии». При позднейшей перепечатке программы к этому месту было дано примечание составителей «Календаря Народной воли на 1883 год»: «...что касается организации... в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией».

В «Программе Исполнительного комитета» террор не занимал главенствующего места. Хотя и предполагалось, что «террористическая деятельность» будет поднимать «революционный дух народа» и «формировать годные к бою силы», но все же террор не объявлялся основным средством достижения политических целей партии. Однако в «Подготовительной работе партии» террору предназначалась гораздо более определяющая роль — детонатора восстания. Вот как об этом говорилось в инструкции, предназначенной только «для вполне своих людей»:

«Что касается самого восстания, то для него, по всей вероятности, можно будет выбрать благоприятный момент, когда сами обстоятельства значительно облегчат задачу заговорщиков. Такие благоприятные условия создаются народным бунтом, неудачной войной, государственным банкротством, разными усложнениями европейской политики и пр. Каждым из таких благоприятных стечений обстоятельств партия должна своевременно воспользоваться, но при своей подготовительной работе она не должна на них возлагать всех своих надежд. Партия обязана исполнить свои задачи во что бы то ни стало, а потому свою подготовку должна вести так, чтобы не оказаться ниже роли даже при самых худших, самых трудных условиях.

Такие наиболее неблагоприятные условия представляются именно в том случае, если партии придется начинать восстание, а не присоединяться к народному движению и если притом нет вдобавок никаких экстраординарных благоприятных случайностей, облегчающих первое нападение. К такому-то положению вещей мы и должны быть подготовлены. *Партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действия, начать дело и довести его до конца. Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек* — столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т. е. *создаст удобный момент для нападения*. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями. Такое нападение легко может увенчаться успехом, если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих и пр. Для успеха точно так же необходимо подготовить себе положение в провинциях, достаточно прочное для того, чтобы или поднять их при первом известии о перевороте, или хотя удержать в нейтралитете. Точно так же следует заранее обезопасить восстание от помощи правительству со стороны европейских держав и т. д. и т. д.»

Мы привели эту обширную выдержку, чтобы читатель мог непосредственно из документа получить представление о тактическом плане действий «Народной воли» в период подготовки загово-

ра и восстания. По существу это был план, рассчитанный на исполнение узкой организацией профессиональных революционеров, но при поддержке их в решительную минуту отрядами рабочих и войска. При этом Исполнительный комитет ориентировал себя и провинциальные группы быть готовым к тому, что скорее всего подходящий момент для восстания придется создавать искусственно, серией террористических актов. Ниже будет показана деятельность «Народной воли» среди интеллигенции, рабочих и военных. Но выделенные нами места в вышеприведенном извлечении из «Подготовительной работы партии» говорят о заключенной в этом программном документе потенциальной опасности выхода «террористической деятельности» на первое место.

После победы восстания власть, согласно программе Исполнительного комитета, должна была на короткое время перейти к Временному правительству, которое в свою очередь было обязано способствовать немедленному созыву Учредительного собрания. Газета «Народная воля» (№ 2, ноябрь 1879 г.) выражала уверенность, что в этом собрании будет «90% депутатов от крестьян и, если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью, — от партии». Далее ставился вопрос: «Что может постановить такое собрание?» Ответ давался вполне оптимистический: «В высшей степени вероятно, что оно дало бы нам полный переворот всех наших экономических и государственных отношений».

В более позднем документе — «Программе рабочих, членов партии „Народной воли“» (ноябрь 1880 г.) созыв Учредительного собрания несколько отодвигался. Сначала надо было (вероятно, при содействии Временного правительства) обеспечить переход земли, фабрик и заводов «в руки народа» и установить во всех «селах, городах и областях... выборное народное управление», ввести вместо постоянной армии народное ополчение. Только *после этого* «Учредительное собрание... упразднив Временное правительство, утверждает народные завоевания и устанавливает порядок общесоюзный».

Если на Воронежском съезде будущие народovolьцы выступали единым фронтом против «деревенщиков», то после образования «Народной воли» существовавшие ранее между ее основателями разногласия по вопросу о способах политической борьбы вновь вышли на поверхность. В процессе выработки программы осенью 1879 г. выявилась группа «бланкистов» (М. Н. Ошанина, Е. Д. Сергеева, Л. А. Тихомиров), склонная к «захвату власти» узким кругом революционеров, с тем чтобы затем декретировать сверху благодетельствующие народ преобразования. Ошанина, например, по свидетельству В. И. Иохслсона, «доказывала, что сто решительных офицеров, при условии нахождения среди них пачальника дворцового караула, могли бы арестовать царскую семью и захватить в свои руки власть».

Эта группа согласилась на компромисс с Желябовым и Михайловым, понимавшими «заговор» более широко, соединяя его с народным восстанием. Иную, совершенно непримиримую, позицию заняли Н. А. Морозов и О. С. Любатович. Они отвергли тактику заговора и план созыва Учредительного собрания, считая, что народ в его нынешнем состоянии не готов поддержать ни то, ни другое. Вместо этого Морозов выдвинул идею систематического политического террора силами революционной молодежи, которая выделит из себя «горсть людей, незначительную по числу, но сильную и страшную своей энергией и неуловимостью», и тем самым заменит «массовое революционное движение.. рядом отдельных, но всегда

бьющих в цель политических убийств». Морозов утверждал, что этим путем «Народная воля» заставит правительство предоставить ей свободу социалистической пропаганды в народе в обмен на обещание прекратить террор. В стране некоторое время будет сохраняться ограниченная монархия — до тех пор, пока народ, просвещенный и организованный получившими свободу деятельности революционерами, не восстанет и не преобразует коренным образом политический и экономический строй.

Проект Морозова был отвергнут большинством Исполнительного комитета. Компромисса с Морозовым и Любатович достигнуть не удалось, и они в начале февраля 1880 г. уехали за границу в «бессрочный отпуск». Через год Морозов решил вернуться, но был арестован при переходе границы. Впереди его ждало 25-летнее заключение в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Его жена Ольга Любатович, оставив только что родившуюся дочь, тоже вскоре вернулась в Россию. Вплоть до своего ареста в ноябре 1881 г. она пыталась организовать отдельную от «Народной воли» сугубо террористическую группу.

* * *

Итак, в конце 1879 г. — начале 1880 г. в программных и тактических установках «Народной воли» получила преобладание линия А. И. Желябова и А. Д. Михайлова — на подготовку заговора и восстания широким фронтом при сочетании террористических актов с пропагандистско-организационной работой среди рабочих, офицеров и студентов.

В инструкции «Подготовительная работа партии» о рабочих говорилось следующее:

«Городское рабочее население, имеющее особенно важное значение для революции, как по своему положению, так и по относительно большей развитости, должно обратить на себя серьезное внимание партии. Успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска. Если партия заранее заручится такими связями в рабочей среде, чтобы в момент восстания имела возможность закрыть фабрики и заводы, взволновать массы и двинуть их на улицы... это уже наполовину обеспечит успех дела». Важно отметить, что предусматривалось не только участие рабочих в борьбе на улицах, но и их активное отношение «к самому составлению Временного правительства».

Наметившийся в 1880 г. спад промышленного производства вел к росту безработицы и понижению заработной платы. Среди рабочих Петербурга, численность которых достигала 150 тыс. человек, росло недовольство существующими порядками и создавались условия, в которых народовольческая пропаганда встречала понимание и сочувствие. К народовольцам примкнули избежавшие ареста члены «Северного союза русских рабочих» и среди них — Степан Халтурин. Из рядов рабочих вышли активные деятели «Народной воли» А. К. Пресняков и Т. М. Михайлов. Исполнительный комитет стремился к созданию в Петербурге народовольческой рабочей организации. В этом отношении много сделал Пресняков, но его деятельность была прервана арестом в июле 1880 г. Много внимания уделял рабочим Желябов. Был создан и действовал центральный рабочий кружок, работали две агитационные группы, предполагалось создавать боевые рабочие дружины, был выработан устав такой дружины.

Народовольцы наладили издание «Рабочей газеты». Ее первый номер вышел 15 декабря 1880 г., второй — 27 января 1881 г., но третий лишь в 1882 г. Первые два номера были подготовлены под редакцией А. И. Желябова при участии И. П. Каковского, А. И. Иванчина-Писарева, Н. А. Саблина. Тираж газеты достигал 600—1000 экземпляров. В газете разъяснялось, что в страданиях народа, которому «что ни день — все хуже», виноваты не только помещики, фабриканты и кулаки, но и сам царь. В разделе «Рабочее житье-бытье» приводились многочисленные факты притеснений рабочих.

А. И. Желябов и И. П. Каковский в конце 1880 г. составили «Программу рабочих, членов партии Народной воли». В ней в наиболее четкой форме были изложены социалистические идеалы народовольцев, перечислялись демократические и социалистические требования, которые должны были быть осуществлены в первую очередь. Программа предлагала рабочим объединяться в кружки. Члены кружков должны были объяснять остальным рабочим, а также при случае и крестьянам, что «из теперешнего гибельного порядка один выход — насильственный переворот, что переворот необходим и возможен». Распропагандированным рабочим рекомендовалось поддерживать боевой дух в рабочей среде, устраивать стачки, готовиться к борьбе с властями. Один печатный экземпляр «Программы рабочих» народовольцы послали К. Марксу, который отметил целый ряд мест в этом интересном документе. В настоящее время этот экземпляр с пометками Маркса хранится в Центральном партийном архиве при ЦК КПСС.

Кроме Петербурга местные народовольческие организации вели пропаганду среди рабочих в Москве, Нижнем Новгороде, Саратове, Казани, Риге, Киеве, Одессе, Ростове, Харькове, ряде других городов юга России. Но связь их с центром «Народной воли» была, как правило, недостаточной. В целом по России, по подсчетам историка В. И. Невского, народовольцы смогли вовлечь в орбиту своего влияния примерно полторы тысячи рабочих. Но создать в Петербурге единую городскую рабочую организацию они не смогли. Причиной этого были многочисленные аресты и отвлечение основных сил на террор.

Рассматривая рабочих как ударную силу, которая должна поддерживать заговорщиков в момент восстания, народовольцы, как и вообще все народники, отнюдь не видели в пролетариате класса, призванного историей сыграть особую роль в борьбе против капитализма, за социализм. Для них это был всего лишь более развитый слой народа, более удобный для агитации и организации в данный период, нежели крестьянство. Но именно крестьянству, а не рабочим предстояло, по убеждению народников-народовольцев, определить в конечном итоге судьбу страны, в частности проголосовать всей своей многомиллионной крестьянской массой за социализм в будущем Учредительном собрании.

Кадры пропагандистов для рабочих «Народная воля» вербовала главным образом в высших учебных заведениях. Демократическое студенчество считалось наиболее восприимчивым к народовольческим идеям. «Интеллигенция, и молодежь в частности, — говорились в „Подготовительной работе партии“, — составляют такие сферы, где каждое честное направление должно только давать о себе знать, чтобы иметь сторонников».

Народовольческие студенческие кружки возникли почти во всех университетских городах России. Активно действовали народоволь-

цы и среди петербургского студенчества. Усилиями прежде всего Желябова и Перовской в 1880 г. был создан Центральный студенческий кружок. Члены кружка, среди которых выделялись П. П. Подбельский и Л. М. Коган-Бернштейн, распространяли нелегальную литературу, собирали пожертвования в пользу «Народной воли». Они воспользовались недовольством студентов новыми «Правами» и устроили в феврале 1880 г. в стенах университета антиправительственную демонстрацию. Подробности об этом можно узнать из воспоминаний К. Я. Загорского.

Конечно, далеко не все студенты были настроены революционно. Требования большинства не выходили за рамки либеральных пожеланий послабления правительственной политики в области образования, печати, личных прав. «Народная воля» видела свою задачу в том, чтобы разъяснять студентам необходимость соединения борьбы за чисто студенческие интересы с движением за общие политические свободы, за демократизацию государственного строя. И именно из революционной части демократической молодежи народолюбцы черпали главные ресурсы пропагандистов, работников типографий, организаторов кружков в провинции, членов террористических групп.

Еще большее значение придавала «Народная воля» установлению связей в военной среде. «Подготовительная работа партии» имела раздел — «Войско», который начинался следующими словами:

«Значение армии при перевороте огромное. Можно сказать, что, имея за собой армию, можно низвергнуть правительство даже без помощи народа, а имея армию против себя, ничего, пожалуй, не достигнешь и с поддержкой народа. При настоящих условиях, однако, пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно полагать много надежд. Гораздо удобней воздействовать на офицерство: более развитое, более свободное, оно более доступно влиянию».

Привлечению армии на свою сторону через распропагандированных офицеров народолюбцы уделяли гораздо больше внимания, чем их предшественники. Народники первой половины 70-х гг., уповая на крестьянское восстание, ограничивались общими призывами к солдатам в пропагандистских книжках не идти против народа. Вовлеченные в революционные кружки курсанты военно-учебных заведений уходили из армии и вливались в общие ряды участников «хождения в народ». В противоположность этому один из руководителей народолюбческой военной организации полковник М. Ю. Ашенбреннер вспоминал, что Желябов советовал ему оставаться на службе, поскольку там он сможет принести больше пользы революционному делу.

Встреча А. И. Желябова на квартире лейтенанта Н. Е. Суханова с группой морских офицеров послужила первым шагом на пути создания в 1880 г. морского кружка. В него кроме Суханова вошли Е. А. Серебряков, А. П. Штромберг, А. К. Карабанович, Ф. И. Завалишин и др. Морские офицеры неоднократно выполняли опасные поручения. Так, Завалишин достал в минном классе четыре запала, которыми были снаряжены бомбы, пошедшие в дело 1 марта 1881 г. К изготовлению взрывных устройств был причастен Суханов.

В Петербурге было положено начало Военной организации «Народной воли». Специально изучавшая образование и деятельность Военной организации Л. Н. Годунова пишет, что к весне 1881 г. в столице действовали три народолюбческих военных кружка, столь-

коже в Кронштадте и еще один в Гельсингфорсе; все они насчитывали около 50 человек.

После 1 марта 1881 г. усиливается ориентация руководства «Народной воли» на военных как на главную силу заговора с целью захвата власти. В Петербурге и Кронштадте возникают еще три военных кружка. Народовольческие военные кружки появляются на Кавказе, юге России, в Прибалтике. Разрабатываются «Программа Военно-революционной организации» и устав Центральной военной организации. Усилиями В. Н. Фигнер, А. П. Корбы, А. В. Буцевича, Н. М. Рогачева, М. Ю. Ашенбреннера и других Военная организация «Народной воли» приобретает общероссийский характер. Л. Н. Годунова перечисляет 41 город, где, по ее мнению, источники позволяют говорить о наличии в 1882 г. более пятидесяти военных народовольческих кружков. В них входило несколько сот офицеров.

Важной заслугой «Народной воли» перед российским революционным движением была дальнейшая разработка принципов централизованной революционной организации и осуществление этих принципов на практике.

Исполнительный комитет постепенно добился принятия народовольческой программы многими провинциальными кружками политического направления. Уставные документы «Народной воли» зафиксировали руководящую роль Исполнительного комитета во всех делах организации, а внутри него — безусловное подчинение меньшинства большинству. Общее собрание членов Исполнительного комитета выбирало более узкий постоянно действующий распорядительный орган — «администрацию» в составе пяти членов и трех кандидатов, а также редакторов газеты и других должностных лиц. Обычно большинство решений принималось всеми членами Исполнительного комитета, находившимися в тот момент в Петербурге. Самопополнение Исполнительного комитета производилось путем голосования на его общих собраниях. В послемартовский период новые члены иногда вводились в Исполнительный комитет кем-либо единолично, путем кооптации.

В период с 15 августа 1879 г. по 1 марта 1881 г. в Исполнительный комитет, по подсчетам В. А. Твардовской, входил в общей сложности 31 человек. Состав Исполнительного комитета не был постоянным — место арестованных или эмигрировавших занимали новые люди. С. С. Волк полагает, что одновременно в Исполнительном комитете никогда не было более 20—22 человек.

Из них следует прежде всего назвать десять участников Липецкого съезда, которые, собственно говоря, учредили Исполнительный комитет. Это были А. И. Баранников, А. И. Желябов, А. А. Квятковский, Н. Н. Колодкевич, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, М. Н. Ошанина, Л. А. Тихомиров, М. Ф. Фроленко, С. Г. Ширяев.

В августе — сентябре 1879 г. Исполнительный комитет пополнили Н. К. Бух, М. Ф. Грачевский, В. В. Зеге фон Лауренберг, С. С. Златопольский, А. И. Зунделевич, С. А. Иванова, Г. П. Исаев, Т. И. Лебедева, О. С. Любатович, С. Л. Перовская, Е. Д. Сергеева, В. Н. Фигнер, А. В. Якимова.

В дальнейшем произошли новые изменения. На протяжении 1880 г. в Исполнительный комитет вошли М. Р. Ланганс, А. П. Корба, Ю. Н. Богданович, Н. Е. Суханов, П. А. Теллалов, М. Н. Тригони. С другой стороны, уже к февралю 1880 г. были арестованы Квятковский, Бух, Ширяев, Иванова, Зунделевич; эмигрировали Морозов и Любатович. Летом 1880 г. умер Зеге фон Лауренберг.

В октябре 1880 г. арестовали Михайлова. Особенно тяжелые потери понес Исполнительный комитет в начале 1881 г. После 1 марта в его составе осталось всего восемь человек. Затем он вновь пополнился 6—7 членами.

В статье В. А. Твардовской об организационных основах «Народной воли» (Исторические записки, т. 67) дается качественная характеристика домартовского состава Исполнительного комитета.

«Члены ИК в большинстве были очень молоды, Шестеро имели в 1881 г. по 23—24 года, основная часть — по 25—27 лет. Самым старшим было не более 32 лет. Почти все они русские, кроме одной польки и трех евреев.

Тринадцать человек, немногим меньше половины, были дворяне, В. И. Ленин, анализируя данные о распределении по сословиям лиц, привлеченных за государственные преступления в 1884—1890 гг., уже делал вывод, что дворяне-революционеры отходят на второй план, уступая первенство разночинцам. Все же в народовольческом движении удельный вес дворян был еще, как видим, довольно значительным. В ИК первого состава было два крестьянина (А. И. Желябов и С. Г. Ширяев) и ни одного рабочего — они были только среди ближайших агентов ИК: С. Н. Халтурин (член ИК после 1 марта), А. К. Пресняков, М. В. Тетерка, Т. М. Михайлов и др. Четверо членов происходили из духовного сословия. Двое были военными (Н. Е. Суханов и А. И. Баранников, бросивший военное училище). Остальные мещане (шесть).

Почти все члены ИК имели высшее или незаконченное высшее образование. Многие из них окончили по два высших учебных заведения. <...> Большинство из них начали свою революционную деятельность очень рано: 13 чел. — в 1872—1873 гг., 9 — в 1874—1875 гг. Наибольший стаж революционной работы был у А. И. Желябова — с 1869 или 1870 г. <...> Почти все они были профессиональными революционерами; только два члена ИК имели легальное положение — М. Н. Тригопи и Н. Е. Суханов. <...> Первый состав ИК удачно сочетал самые разнообразные способности и характеры. Здесь были такие выдающиеся организаторы, как А. Д. Михайлов, А. И. Желябов, С. Л. Перовская, П. А. Теллалов, М. Н. Ошанина, В. Н. Фигнер; такие блестящие революционеры-практики, как М. Ф. Фроленко, Н. Н. Колодкевич, А. И. Зунделевич, А. И. Баранников; такие теоретики народовольчества, как А. И. Желябов; такие техники, как Г. П. Исаев, С. Г. Ширяев, А. В. Якимова».

Члены Исполнительного комитета назывались агентами третьей степени. Существовала также более младшая категория агентов второй и первой степени, действовавших под руководством членов ИК. Сделано так было из конспиративных соображений: лица, только что вступившие на революционный путь, не должны были знать, сколько степеней агентов существует в «Народной воле».

Среди агентов второй степени можно назвать таких выдающихся революционеров, как А. Б. Арончик, Л. Н. Гартман, Г. М. Гельфман, П. С. Ивановская, В. И. Иохельсон, Н. И. Кибальчич, Н. В. Клеточников, Т. М. Михайлов, сестры Е. Н. и Н. Н. Оловенниковы, А. К. Пресняков, Н. А. Саблин, Г. М. Фриденсон, Г. Ф. Чернявская.

Постепенно складывалась система кружков, подчиненных Исполнительному комитету «Народной воли», совершенствовались уставные положения, регламентирующие права и обязанности как центра, так и всех остальных революционных сил, действовавших в Петербурге и на периферии. Принципы централизма проводились в жизнь с трудом, анархические настроения прежних лет были еще

сильны. Тем не менее в течение примерно полутора лет их в основном удалось преодолеть, и Желябов весной 1881 г. мог заявить, что «организация партии Народной воли состоит из целой сети тайных кружков, группирующихся на начале централизации групп младшего порядка вокруг групп порядка высшего», а «вся организация стягивается к единому центру — Исполнительному комитету». Если в каком-либо городе имелось несколько народовольческих кружков, то там образовывалась центральная местная группа, и уже она сносилась с ИК в Петербурге.

В книге С. С. Волка «Народная воля» (М.—Л., 1966) имеется карта-схема. На ней указаны 67 городов, в которых исследователями выявлено примерно 80—90 организаций «Народной воли», и, кроме того, около 200 различных кружков народовольческого направления — рабочих, военных, студенческих, ученических, общих, действовавших в 1879—1883 гг. Но эта цифра — сумма *всех* существовавших в эти четыре года кружков. На каждый данный отрезок времени их было, разумеется, меньше: одни уже были разгромлены, другие еще не возникли.

В «Календаре Народной воли» сказано, что перед 1 марта 1881 г. в народовольческих *организациях* по всей стране насчитывалось примерно 500 человек. Некоторые исследователи полагают, что к этому надо прибавить еще 4—5 тысяч человек из среды распространяемых рабочих и молодежи. Но надо иметь в виду, предупреждают авторы книги «Революционная традиция России» (М., 1986), что состав «Народной воли» «был далеко не равноценным. Кроме сравнительно небольшого ядра испытанных революционеров (несколько десятков человек), в организации явно преобладала «зеленая» молодежь, зачастую лишь номинально примыкавшая к движению. Отсюда становится понятным, почему гибель немногих руководителей означала по существу конец всей „Народной воли“».

В самодержавной России, в особенности в ее столице Петербурге, на борьбу с революционным подпольем были направлены усилия опытного аппарата жандармерии и полиции; «кадровым» филерам помогала многотысячная армия дворников, в обязанности которых входила слежка за жильцами и их знакомыми.

В смертельной схватке со слугами самодержавия народовольцы проявили себя мастерами конспирации. Арестовав члена Исполнительного комитета, жандармы не должны были об этом догадываться: все арестованные называли себя агентами ИК той или иной степени. Сам Исполнительный комитет оставался как для врагов, так даже и для друзей загадочным, грозным и неуловимым.

Особенные заслуги в обеспечении конспирации были у А. Д. Михайлова. По словам В. Н. Фигнер, он был «всевидящим оком организации и блюстителем дисциплины, столь необходимой в революционном деле». С помощью Михайлова в начале 1879 г., еще до образования «Народной воли», устроился на службу в III отделение Н. В. Клеточников. Вплоть до своего ареста в январе 1881 г. он сообщал народовольцам имена секретных агентов, фамилии лиц, подлежащих аресту или взятых под наблюдение, предупреждал о готовившихся обысках, облавах, арестах.

При непосредственном участии А. Д. Михайлова была налажена работа так называемого «паспортного бюро», которое должно было обеспечивать народовольцев необходимыми для них документами. Иногда добывались и использовались подлинные документы, чаще приходилось заниматься изготовлением поддельных, которые, однако, внешне невозможно было отличить от подлинных.

В разных концах Петербурга народovolьцы содержали конспиративные квартиры, в них устраивались встречи и совещания, изготовлялись динамит и бомбы, печатались революционные издания.

В первой типографии «Народной воли» в Саперном переулке в условиях строящейся конспирации были отпечатаны три номера «Народной воли», другая нелегальная литература. Четыре с половиной месяца продолжалась деятельность этой типографии, и лишь неосторожность А. Квятковского (см. воспоминания С. А. Ивановой-Борейши) погубила ее. Однако уже в феврале стараниями неутомимого А. Д. Михайлова была налажена работа «легучей типографии», в которой были напечатаны несколько листовок и отдельное издание «Программы Исполнительного комитета». Выпуск «Программы» был необходим, так как большая часть тиража третьего номера «Народной воли» с текстом программы попала в руки полиции при провале типографии в Саперном переулке.

С начала мая до середины июля 1880 г. небольшая временная типография размещалась в квартире на Подольской улице, снятой Н. И. Кибальчицем и П. С. Ивановской под именем Агатескуловых. Затем с середины июля и до начала ноября типография размещалась в другом, пока не выясненном месте. В этой типографии были выпущены три номера «Листка Народной воли». Наконец, в начале ноября народovolьцы смогли устроить, снова на Подольской улице, но в другом доме, полноценную типографию, где можно было напечатать, после почти годичного перерыва, очередные номера «Народной воли». Здесь в декабре 1880 г. и в феврале 1881 г. вышли номера 4-й и 5-й, тиражом в две-три тысячи экземпляров. Была напечатана также листовка памяти казненных А. А. Квятковского и А. К. Преснякова, прокламации, выпущенные Исполнительным комитетом после 1 марта 1881 г. Прокламации печатались обычно тиражом в три—пять тысяч экземпляров. Арест жившей в типографии под видом прислуги Л. Д. Терентьевой заставил народovolьцев в начале мая 1881 г. покинуть типографию, уничтожив или захватив с собой наиболее важные бумаги. После этого типография «Народной воли» была перенесена в Москву.

* * *

Пропаганда народovolьцев среди рабочих и в различных слоях общества — вероятно, наименее известная для большинства читателей сторона деятельности «Народной воли». В памяти потомков, как, впрочем, и для современников, она оказалась заслоненной рядом эффектных террористических актов и особенно тем, что впоследствии с легкой руки некоторых популяризаторов истории «Народной воли» получило название «охоты на царя». Этому были свои основания. Хотя, как уже говорилось, в программе «Народной воли» террор не выступал в качестве главной формы политической борьбы и даже в секретной «Подготовительной работе партии» он занимал как будто бы равное место среди других видов революционной деятельности, на практике подготовка покушений на Александра II все более и более поглощала живые силы и материальные средства «Народной воли».

Первоначально смертный приговор Александру II был вынесен в июне 1879 г. на Липецком съезде — но условно, в зависимости от дальнейшего ужесточения репрессивной политики правительства.

10—11 августа последовали новые казни революционеров — были казнены И. Я. Давиденко, Д. А. Лизогуб, С. Ф. Чубаров

в Одессе, С. Я. Виттенберг в Николаеве. 26 августа только что возникший Исполнительный комитет «Народной воли» утвердил липецкое постановление о цареубийстве.

О том, как это постановление проводилось в жизнь, говорится в воспоминаниях В. Н. Фигнер, А. В. Тыркова и в очерке Л. А. Тихомирова «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце». Осенью 1879 г. были предприняты три попытки при помощи взрыва железнодорожного полотна устроить крушение царского поезда на возможных путях возвращения царя из Крыма. Подкопы велись сразу в трех местах: под Одессой, Александровском Екатеринославской губ. и в сорока километрах не доезжая Москвы. Однако всюду народолюбцев ждали неудачи. Через Одессу царь не поехал, под Александровском почему-то не сработало электрическое взрывное устройство. Под Москвой взрыв состоялся, но был по ошибке взорван поезд не с царем, а с царской свитой. Это произошло 19 ноября. А 5 февраля 1880 г. от взрыва сотряслась сама царская резиденция — Зимний дворец.

Взрывы 19 ноября и 5 февраля, несмотря на неудачи, произвели большое впечатление в России и Европе. Исполнительный комитет в представлении всех — демократической молодежи, обывателей, разного ранга чиновников и т. п. — стал казаться всемогущей таинственной силой, которой одни симпатизировали (в основном, правда, пассивно), а другие, боясь, отнюдь не пассивно противодействовали. В такой напряженной атмосфере отказ от дальнейших покушений становился для народолюбцев психологически невозможным — он означал падение престижа, крушение надежд и больших ожиданий. Цареубийство становилось главной целью, все остальное — второстепенной. Сил на это остальное просто не хватало. Пришлось даже оставить подготовку планировавшихся террористических актов против одесского, киевского и петербургского генерал-губернаторов — Тотлебена, Гессе и Гурко, некоторых других видных чиновников. Все сосредоточилось на царе.

С осени 1880 г. за ним устанавливается постоянное наблюдение. За всеми поездками Александра II по Петербургу следит специальная группа во главе с С. Перовской, в составе И. И. Гриневникова, А. В. Тыркова, П. В. Тычинина, Е. Н. Оловенниковой, Е. М. Сидоренко, Н. И. Рысакова. Одновременно Н. И. Кибальчич и Г. П. Исаев с пришедшими им на помощь М. Ф. Грачевским и П. Е. Сухановым занимаются технической стороной подготовки к покушению. Из предложенных ими вариантов Исполнительный комитет принимает два: подземный взрыв мины и применение металлических снарядов. Местом подкопа избирают один из обычных царских маршрутов — Малую Садовую улицу, на которой А. И. Баранников сумел присмотреть подходящее подвальное помещение. А. В. Якимов и Ю. Н. Богданович по поручению Исполнительного комитета нанимают его якобы для того, чтобы устроить «Склад русских сыров Е. Кобозева». В январе — феврале 1881 г. по ночам здесь в очень трудных условиях работали в подкопе Ю. Н. Богданович, А. И. Желябов, М. Н. Тригони, М. Р. Ланганс, М. Ф. Фроленко, А. И. Баранников, Н. Н. Колодкевич, Н. Е. Суханов, Г. П. Исаев, Н. А. Саблин.

В случае, если царский экипаж поедет по другому пути, в дело должны были вступить метальщики. Во второй половине февраля состоялись испытания созданных народолюбцами бомб и запалов к ним. А. И. Желябов подобрал специальную группу метальщиков

в составе И. И. Гриневицкого, Н. И. Рысакова, Т. М. Михайлова и И. П. Емельянова.

Приближавшееся к апогею отчаянное единоборство народовольцев с самодержавием сопровождалось тяжелыми потерями в рядах революционеров. 4 ноября 1880 г. были казнены осужденные по «процессу 16-ти» А. А. Квятковский и А. К. Пресняков. 28 ноября жертвой собственной неосторожности стал, казалось бы, непревзойденный мастер конспирации А. Д. Михайлов. Несмотря на полученный сигнал об опасности и предостережения товарищей, он пошел получить заказанные им фотографические карточки Квятковского и Преснякова в фотографии на Невском проспекте. Там он попал в засаду, попытался скрыться, но был арестован. В январе 1881 г. буквально один за другим были арестованы Г. М. Фриденсон, А. И. Баранников, Н. Н. Колодкевич, Н. В. Клеточников, Л. С. Златопольский.

Однако удары, наносившиеся арестами, не ослабляли усилий народовольцев, остававшихся на свободе. Настойчиво продолжал руководить подготовкой нового покушения А. И. Желябов. Все же лично довести дело до конца ему не удалось. Слежка, начатая вследствие показаний И. Ф. Окладского за находившимся на легальном положении М. Н. Тригоны, позволила жандармам арестовать 27 февраля не только его самого, но и зашедшего к нему Желябова.

Утром 28 февраля министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, до этого советовавший Александру II не покидать Зимний дворец из-за грозившей опасности, поспешил доложить императору об аресте «главного заговорщика». Арест Желябова был тяжелой потерей для народовольцев. Их к тому же ждали и другие неприятные известия. Под угрозой оказалась «сырная лавка». Неопытность ее владельцев в торговых делах вызвала подозрение и соседей-торговцев, и полиции. Суханов, вышедший вечером 27 февраля от «Кобозевых», заметил за собой слежку и с трудом смог скрыться. По настоянию местного полицейского пристава 28 февраля под предлогом «санитарной инспекции» в подвал спустился генерал К. О. Мравинский, к счастью ничего подозрительного не сумевший обнаружить.

В тот же день на Вознесенском проспекте собрались члены Исполнительного комитета В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, Г. П. Исаев, А. П. Корба, Н. Е. Суханов, М. Ф. Грачевский, Т. И. Лебедева, М. Ф. Фроленко. Всем им было ясно, что так долго подготавливаемое покушение накануне своего осуществления оказывается под угрозой срыва. От пришедшего Богдановича стало известно об обыске в «сырной лавке». В этой тревожной обстановке принимается решение на следующий день, 1 марта, предпринять покушение.

Ночью Суханов, Грачевский и Кибальчич изготавливают бомбы. Утром 1 марта на Тележной улице в квартире Г. Гельфман их получают Гриневицкий, Рысаков, Т. Михайлов и Емельянов. Всем руководит Перовская. Она расставляет и инструктирует металлщиков. Наготове Фроленко. По сигналу Якимовой он готов, сомкнув провода, произвести взрыв мины, заложенной в подкопе на Малой Садовой.

Александр II проехал в Михайловский манеж, миновав Малую Садовую. Около трех часов дня карета Александра II, после Манежа заезжавшего в Михайловский дворец, двигаясь по Инженерной улице, приблизилась к набережной Екатерининского канала.

Здесь се ждали расставленные Перовской метальщики. Когда карета повернула на набережную, Рысаков бросил первую бомбу. Карета была повреждена, но Александр II не пострадал. Он вышел из кареты и направился к схваченному Рысакову, затем сделал несколько шагов вдоль ограды набережной. Встретивший его Гриневский бросил бомбу между собой и царем. Оба были смертельно ранены.

* * *

Итак, «Народная воля» достигла наконец цели, к которой столь упорно стремилась. В четыре часа дня 1 марта над Зимним дворцом поднялся траурный флаг — знак смерти императора. Почти два года титанических усилий завершились успехом. В. Фигнер пишет даже, что «это был финал двадцатилетней борьбы между правительством и обществом».

Чего же хотели добиться народовольцы этим актом? Что он должен был означать — сигнал к восстанию или что-то другое? Напомним, что в инструкции «Подготовительная работа партии» говорилось об одновременном уничтожении 10—15 «столпов современного правительства» как средстве возбуждения народных масс и создания подходящей обстановки для начала восстания.

В. Фигнер сообщает, что в первой половине февраля 1881 г. Исполнительный комитет собрал совещание, на котором выяснилось, возможно ли одновременно с покушением на царя «сделать попытку инсurreкции». «Ответ был неблагоприятный. Подсчет членов групп и лиц, непосредственно связанных с нами, показал, что наши силы слишком малочисленны, чтобы уличное выступление могло носить серьезный характер». Прав оказался Плеханов, предупреждавший, что подготовка покушений поглотит все силы сторонников террористической борьбы. Наиболее дальновидные народовольцы сознавали эту опасность — программа «Народной воли» предусматривала различные виды революционной деятельности, не один террор. Но на практике, как признавал А. Д. Михайлов в своих записках, сделанных уже во время суда в 1882 г., созданное «политиками» тайное общество «получило чисто боевой характер, для организационной деятельности не стало ни средств, ни денег, все дышало битвой, все приносилось в жертву террористам». Не лишено, таким образом, определенных оснований позднейшее утверждение Н. А. Морозова о том, что «практически „Народная воля“ исполняла ... именно только мою программу», хотя она, напомним, была отвергнута большинством Исполнительного комитета как крайне террористическая.

В итоге, хотя к марту 1881 г. организационно-пропагандистская деятельность народовольцев среди рабочих и военных имела кое-какие результаты, их оказалось далеко не достаточно, чтобы решиться на восстание. И тем не менее полным ходом шли последние приготовления к очередному покушению на Александра II — покушению, которому суждено было стать успешным.

Передовая статья в пятом номере «Народной воли» от 2 февраля 1881 г. — за месяц до покушения — в какой-то мере отвечает на вопрос, ради чего это делалось. Социально-революционная партия, говорилось там, должна в глазах народа стать силой, а этого можно добиться «только путем борьбы, путем непрерывных схваток», «только этим путем и может она (партия, — *Сост.*) приобрести в глазах народа обаяние силы».

Цареубийство — это такой акт, который конечно же должен был отозваться в самых глухих углах крестьянской России и, как пишет В. Фигнер, заставить мужика задаться вопросом: «Кто убил царя и за что его убили?» И здесь, по мнению Фигнер, революционеры должны были выиграть в любом случае.

Если крестьяне решат, что царя убили социалисты ради народных интересов, то «Народная воля» приобретет такой авторитет в народе, «какой не доставили бы десятки лет пропаганды словом».

Если же в деревне считают, что царя убили баре, желающие вернуть крепостное право, то тогда очень вероятен взрыв всеобщего крестьянского бунта, и «Народной воле» предоставилась бы возможность стать во главе его.

Кроме того, народовольцы надеялись, что убийство царя подтолкнет либеральное общество воспользоваться растерянностью властей и более решительно поставить вопрос о конституции, о политических свободах. Наконец, казнь Александра II должна была поднять престиж «Народной воли» в среде демократической молодежи, дать толчок новому притоку революционных сил в ее ряды.

Основательны ли были эти расчеты? Чтобы ответить на это, надо хотя бы вкратце посмотреть, в каких внешних условиях действовала «Народная воля»: что делалось в крестьянстве, среди рабочих, в образованных слоях общества, как на все это реагировали правительственные сферы?

Обстановка в стране была напряженной. Она стала обостряться с конца 1870-х гг., когда в результате русско-турецкой войны заметно ухудшилось экономическое положение крестьян и рабочих. Хозяйственная разруха, неурожаи и — как следствие — дороговизна и голод начиная с осени 1879 г. и в еще большей степени в последующие 1880 и 1881 гг. В стране не хватало хлеба для продовольствия даже по расчетным минимальным правительственным нормам, и в то же время хлеб экспортировался за границу. Росли недоимки крестьян по оброкам и налогам. От долгов, образовавшихся в это время за взятые хлебные ссуды, крестьяне европейских губерний России так и не смогли избавиться до самого 1917 года.

Росло число крестьянских волнений. Если за пятилетие, с 1873 по 1877 г., историками выявлено 178 волнений, то за следующие пять лет (с 1878 по 1882 г.) — 245. Из них 47 было подавлено с помощью войск. Конечно, интенсивность крестьянского движения в этот период во многом уступала его размаху во время проведения реформы 1861 г., отменившей крепостное право. Тогда число волнений измерялось многими сотнями и даже тысячами. Но правительство в конце 1870-х гг. очень беспокоили чрезвычайно распространившиеся среди крестьян слухи о новом дополнительном наделении земель и даже о всеобщем переделе всех земель, включая и помещичьи.

Известный ученый-агрохимик и общественный деятель А. Н. Энгельгардт, автор писем «Из деревни», писал, что «после взятия Плевны о „милости“ всюду говорили открыто и на сельских сходах, и на свадьбах, и на общих работах... Все ожидали тогда, что в 1879 году выйдет „новое положение“ на счет земли». Правительство несколько раз конфиденциально предпринимало губернаторам принять меры против распространения слухов и наконец 16 июля 1879 г. было вынуждено обнародовать официальное опровержение ложных толков «о предстоящем будто бы общем переделе земли». От имени царя министр внутренних дел Л. С. Маков заявил: «Ни

теперь, ни в последующее время никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может». Но это, разумеется, не успокоило крестьян. За 1878—1882 гг. зафиксировано около 26 тысяч поджогов, главным образом помещичьих имений и кулацких подворий; особенно возросло число поджогов в 1881—1882 гг.

Новым элементом массового движения, по сравнению с 60-ми гг., стали стачки рабочих. В период с 1878 по 1882 г. в стране произошло не менее 141 стачки (в 1873—1877 гг. — 86 стачек); примерно одна треть их имела наступательный характер: рабочие требовали повышения заработной платы, улучшения условий труда. В 1877—1879 гг. активно действовал «Северный союз русских рабочих», самостоятельно образованный передовыми рабочими Петербурга, «Союз» объединял примерно 200 человек; среди его руководителей — известные деятели российского рабочего движения В. П. Обнорский, С. Н. Халтурин, П. А. Моисеенко. Конечная цель «Северного союза», записанная в его программе: «ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого». Рабочие раньше народников поняли как важность политической свободы, так и то, что именно «ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса».

Важным фактором, влиявшим на общее положение в столице и стране, были студенческие волнения. Осенью 1878 г. произошли бурные студенческие сходки и демонстрации с подачей петиций наследнику престола в Петербурге и Харькове. Они сопровождались столкновениями с полицией и казаками. В 1879—1880 гг. студенты боролись против так называемых «Временных правил», усиливших надзор за ними и стеснительно регламентировавших студенческую жизнь. 1881 г. был отмечен открытым протестом против политики правительства в области просвещения во время ежегодного торжественного акта в Петербургском университете 8 февраля, в присутствии министра. В марте студенты Московского университета отказались посылать венки на гроб Александра II, а в Казани 2 марта на общеуниверситетской сходке студент Никольский заявил, что «монархическое правление в России отжило свой век».

Брожение ощущалось и в либеральных кругах. Правда, оно проявлялось лишь намеками в газетах и журналах на желательность неких «усовершенствований» государственного строя. Робкие пожелания о том же содержались в некоторых «верноподданнических» адресах на имя царя, составлявшихся время от времени в земствах. Но и это расценивалось «верхами» как непозволительная дерзость. Иной раз радикальные речи произносились на званых обедах или в частных собраниях. От всего этого, конечно, было далеко до каких-либо активных политических действий, но о степени распространенности недовольства в обществе власти могли судить по 38 тысячам ежегодно вскрывавшихся частных писем, из которых делалось примерно три с половиной тысячи интересных для жандармов выписок.

С революционным движением и недовольством либеральной оппозиции правительство вначале рассчитывало справиться испытанными и привычными репрессивными мерами. Вскоре после убийства в августе 1878 г. шефа жандармов Мезенцова было принято постановление, предусматривавшее передачу дел о «государственных преступлениях» в ряде случаев на рассмотрение военно-окружных судов, а с 1 сентября того же года жандармам, полицмейстерам и

уездным исправникам предоставлялось право ареста подозрительных лиц без санкции прокурора.

Ассигновывались дополнительные средства на укрепление полиции и жандармерии. После покушения А. К. Соловьева на Александра II в апреле 1879 г. были назначены «временные генерал-губернаторы» в Петербург, Харьков и Одессу (в дополнение к уже имевшимся московскому, киевскому и варшавскому генерал-губернаторствам).

Генерал-губернаторы получили почти неограниченные, по существу диктаторские, полномочия для борьбы с революционным движением. Своей властью они могли без суда отправлять в административную ссылку, предавать военному суду. С апреля по декабрь 1879 г. было казнено 16 революционеров. Для усиления наблюдения за крестьянами в каждый уезд с августа 1878 г. в помощь становым приставам назначались полицейские урядники (в среднем по 11 человек на уезд), а в каждом более или менее крупном городе образовывались отряды мобильной конно-полицейской стражи для срочных выездов в места крестьянских волнений.

Участились высылки студентов, свирепствовала цензура. В Одессе генерал-губернатор Тотлебен предписал домовладельцам немедленно сообщать полиции о любом «сборище» у их жильцов. Подобная ситуация, применительно к Петербургу, описана в воспоминаниях Н. М. Саловой (см. с. 232—234).

Всего этого оказалось, однако, недостаточно. Через неделю после взрыва в Зимнем дворце — 12 февраля 1880 г. царским указом была образована «Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия» во главе с М. Т. Лорис-Меликовым. Все министерства и ведомства, все генерал-губернаторы должны были выполнять его указания по борьбе с государственными преступлениями. Ему были подчинены III отделение и корпус жандармов. По существу Лорис-Меликов получил право управлять Россией от имени императора. «Я имел полномочия объявлять по личному усмотрению высочайшие повеления. Ни один временщик — ни Меншиков, ни Бирон, ни Аракчеев — никогда не имели такой всеобъемлющей власти», — говорил он впоследствии.

Наиболее подробно и конкретно деятельность Лорис-Меликова описана в книге профессора П. А. Зайончковского «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов» (М., 1964). Введение генерал-губернаторств и образование Верховной распорядительной комиссии явилось следствием определенного кризиса самодержавной власти, показателем того, что царизм оказался не в состоянии управлять страной обычными методами и прибегнул к чрезвычайным. По существу Александр II был вынужден пойти на то, чтобы часть самодержавной власти передать им же назначенным местным и центральному диктаторам. Недаром Лорис-Меликова в придворных кругах втихомолку называли вице-императором Мишелем I, а генерал-губернаторов по-восточному — сатрапами.

Кризис власти проявился и в другом. Лорис-Меликов лучше многих в правящих сферах понял, что полагаться только на одни репрессии, на их ужесточение — недостаточно. Репрессии против революционеров он попытался сочетать с тактикой привлечения на сторону правительства либеральной оппозиции посредством некоторых уступок в разных сторонах внутренней жизни.

Начал он с того, что 15 февраля 1880 г. в «Правительственном вестнике» поместил обращение «К жителям столицы», в котором, с одной стороны, заявлял о решимости «не останавливаться ни

перед какими строгими мерами для наказания преступных действий», а с другой — выражал уверенность в поддержке «всех честных людей, преданных государю и искренне любящих свою родину».

Свою строгость Лорис-Меликов продемонстрировал уже через неделю скоростным судом и казнью покушавшегося на его жизнь И. О. Млодецкого (близкого к народовольцам, но не входившего формально в «Народную волю»). Покушение произошло 20 февраля, военный суд — 21-го, а казнь через повешение — 22-го. Но слух и глаз либералов ласкали такие строки из обращения новоявленного начальника Верховной распорядительной комиссии: «На поддержку общества смотрю как на главную силу, могущую содействовать властям к возобновлению правильного течения государственной жизни».

Привыз Лорис-Меликова к благонамеренной части общества вызвал поток записок с различными предложениями по искоренению «крамолы», вполне верноподданнических, но большей частью фантастических. Между ними были, однако, и более серьезные проекты, как охранительного, так и либерального содержания. Либералы осторожно проводили мысль о том, что без их содействия правительство не справится с революционерами, а для обеспечения такого содействия предлагали привлечь к государственной деятельности все «здоровые силы» в лице главным образом земств и представителей городов. В этом проявилось желание либералов каким-то образом участвовать в решении государственных вопросов, а отсюда в их воображении уже просматривалась дорога к постепенному переходу к конституционным формам правления.

Конституцию Лорис-Меликов вводить не собирался, но допустить изобильное число выборных от земств и крупных городов к участию в *обсуждении* некоторых законопроектов он считал полезным, так как такая мера, по его мнению, привлекла бы либералов на сторону правительства и уничтожила бы атмосферу сочувствия, окружавшую революционеров. По этому вопросу в правительственных сферах шла борьба. Лорис-Меликова поддерживали либеральная часть высшей бюрократии — военный министр Д. А. Милютин, министр финансов А. А. Абаза, председатель Комитета министров П. А. Валуев и некоторые другие. Но ему оказывали мощное противодействие обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, министр почт и телеграфа Л. С. Маков, министр путей сообщения К. Н. Посет, член Государственного совета С. Г. Строганов. Александр II колебался.

Лорис-Меликов считал необходимым пойти на кое-какие послабления во внутренней политике. Он несколько смягчил цензурные тиски, сменил зверствовавшего начальника Главного управления печати В. В. Григорьева на более терпимого Н. С. Абазу. Далее он посчитал целесообразным убедить Александра II уволить ненавидимого всеми реакционнейшего министра просвещения Д. А. Толстого и назначить на его место «либеральное» А. А. Сабурова. Был несколько умерен полицейский произвол в вопросе административной ссылки, а кое-кто с большим шумом даже возвращен обратно. Намечалось отменить административный порядок преследования печати, придав этому делу «законную» судебную форму.

Оценивая деятельность Лорис-Меликова, «Листок Народной воли» писал в июне 1880 г.:

«...Он занимается приведением административных сил к единству, слиянием разных сортов полиции, объединением действий губернаторов, жандармов и проч. Параллельно с этим он старается

разъединить оппозицию, кокетничать с либералами, с разными земцами и т. п.; красивыми фразами о будущих вольностях он старается отрезать у конституционалистов всякую связь с радикалами... Отрывая от нас либеральную партию, Лорис намеревается то же сделать и относительно молодежи. Недавно вышедшее правительство распоряжение сулит не только помилование, но даже полное возвращение прав ссыльным по студенческим историям. Со студенчеством Лорис заигрывает и лично, призывая к себе их «представителей», обещает всякие льготы... Что ж, политика не глупа! Сомкнуть силы правительства, разделить и ослабить оппозицию, изолировать революцию и передуть всех врагов порознь — не дурно! И заметьте, — что всех этих воробьев предполагается обжечь исключительно на мякине, не поступившись ничем и даже, собственно говоря, никого не пощадив».

При Лорис-Меликове продолжались, хотя и в меньшем количестве, казни революционеров — было казнено 5 человек. 60 человек — столько же, сколько и за предшествующий год, — были осуждены на различные сроки каторги, от четырех лет до «вечной каторги» (9 человек). По распоряжению Лорис-Меликова был ужесточен режим Кавказской каторжной тюрьмы. «Поэтому, — пишет В. Фигнер, — общественное мнение в революционном мире требовало продолжения террора и казни как самого царя, так и его лицемерно-либерального приближенного».

Лорис-Меликов старался изолировать революционеров не только от либералов, но и от крестьянства. Для уменьшения напряженности в деревне он пошел на некоторое уменьшение податного гнета: был отменен соляной налог, и подушная подать заменена подоходным налогом. В приказном порядке петербургских купцов заставили временно несколько снизить цены на муку и хлеб.

Мерой в либеральном духе представил Лорис-Меликов упразднение знаменитого III отделения в августе 1880 г. В действительности функции этого учреждения и его штаты передавались различным отделам Департамента полиции Министерства внутренних дел, что вело к улучшению политического сыска, сосредоточивая его в одном ведомстве. Одновременно упразднялась, как бы выполнявшая свои задачи, Верховная распорядительная комиссия, а Лорис-Меликов становился министром внутренних дел, сохраняя по существу положение «вице-императора».

В конце января 1881 г. Лорис-Меликов представил Александру II «всепоподаннейший доклад», в котором доказывал, что все предпринятые им меры «оказывали и оказывают благотворное влияние на общество», и советовал продолжать политику в том же духе, в частности, допустить все же представителей либералов к обсуждению некоторых государственных вопросов.

В пользу всеисильного министра, казалось бы, говорил некоторый спад числа крестьянских волнений и рабочих стачек, а главное — отсутствие новых террористических актов в течение 11 месяцев после взрыва в Зимнем дворце. Поколебавшись, Александр II утром 1 марта 1881 г. распорядился назначить на 4 марта совещание для обсуждения предложений Лорис-Меликова...

* * *

В первые недели после смерти Александра II вступивший на престол 36-летний сын царя, ставший Александром III, и весь сановный Петербург находились в состоянии растерянности, близком

к панике. Александр III боялся ездить по улицам своей столицы и старался не выходить из дворца. Зимний дворец окапывался траншеей в поисках минных подкопов, наподобие обнаруженному под Малой Садовой. Победоносцев направил новому императору письмо с советами лично проверять, не спрятался ли кто-нибудь за мебелью спальных и не перерезаны ли шнуры от сигнальных звонков.

Вновь назначенный глава столичной полиции генерал-майор Н. М. Баранов чрезмерным усердием усиливал тревожные слухи и общую неразбериху. Так, он приказал устроить заставы вокруг города, чем дезорганизовал подвоз продовольствия; попытался установить контроль за всеми приезжающими в Петербург по железной дороге — они должны были брать извозчиков только через посредство полиции. Периодически бестолково заседал так называемый «бараний парламент» — собранные со всех околотков Петербурга «выборные» от населения в помощь полиции. Баранов пугал царя и министров будто бы открытыми им приготовлениями к новым покушениям. 27 марта Александр III тайно уехал в Гатчину.

На новые покушения сил у Исполнительного комитета «Народной воли» не осталось. Тем не менее, пока правительство об этом не догадалось, было решено предъявить новому царю требования революционеров.

7 или 8 марта на одной из конспиративных квартир состоялось обсуждение этих требований. Л. Тихомиров предложил оформить их в виде письма Исполнительного комитета Александру III. 10 марта состоялось второе обсуждение; был одобрен окончательный текст, его тут же отнесли в типографию*.

Всего было три издания этого выдающегося документа общим тиражом 13 тысяч экземпляров, он широко распространялся. «Один экземпляр письма, — свидетельствует А. П. Прибылева-Корба, на квартире которой проходило первое обсуждение, — был особенно тщательно отпечатан на веленовой бумаге и вложен в конверт, на котором значились титул и имя Александра III. Письмо было опущено в почтовый ящик, находящийся у здания думы по Невскому».

В письме, выдержанном в корректном тоне, разъяснялось, что революционное движение в стране вызвано тяжелым положением народа и что подавить его силой невозможно. Если политика правительства не изменится, Россию ждет «страшный взрыв, кровавая перетасовка». Из нынешнего положения, говорилось далее, может быть только два выхода: или революция, «или добровольное обращение верховной власти к народу». «В интересах родной страны... Исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь». Конкретно указывалось, что для этого необходимы общая амнистия по политическим делам и созыв народных представителей «для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями». Свобода выборов должна была обеспечиваться свободами печати, слова, сходок, избирательных программ. По выполнении этих условий «Народная воля» обязывалась прекратить террор и беспрекословно подчиниться любому решению народного собрания. «Исполнительный комитет сам прекратит свою деятельность, и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо русского народа. Мирная, идейная борьба сменит насилие, которое противно нам бо-

* Полный текст «Письма» дан в приложении.

лее, чем вашим слугам, и которое практикуется нами только по печальной необходимости».

Четкая постановка политических требований, выдвижение их на первый план вызвало одобрение К. Маркса. В письме к Женни Лонге 11 апреля 1881 г. он так отозвался о народовольцах: «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические. Фразерство и дело — непримиримые противоположности. Петербургский исполнительный комитет, который действует так энергично, выпускает манифесты, написанные в исключительно „сдержанном тоне“. Его манера очень далека от... ребячливых крикунов, проповедующих царевубийство как „теорию“ и „панацею“...»*.

Письмо Исполнительного комитета Александру III произвело хорошее впечатление на образованное общество и в России, и в Европе. Но у «Народной воли» не было возможности подкрепить свои требования каким-либо действием. В прокламациях-обращениях к русским гражданам, к крестьянам и к рабочим, выпущенным в первых числах марта, объяснялись мотивы царевубийства, но не содержалось конкретных призывов к каким-либо немедленным революционным выступлениям. Рабочим и крестьянам давался всего лишь совет писать прошения «всем миром» новому царю с просьбами созвать выборных людей, уменьшить подати, прирезать земли и т. п. В народовольческих рабочих кружках недоумевали, почему сразу после 1 марта к ним не пришел никто из агентов Исполнительного комитета. Рабочий В. С. Панкратов, осужденный в 1884 г. на 20 лет каторги, вспоминал через 41 год — 1 марта 1922 г. — на заседании в Музее революции:

«Проходил день, другой, кружок народовольцев-рабочих был озабочен тем, что же ему делать? Первые дни после первого марта почему-то из руководителей-нелегальных никто не являлся. Прокламация, выпущенная Исполнительным комитетом «Народной воли», была получена рабочими группами только на третий день. И из нее нельзя было заключить, что же должны делать рабочие революционные кружки. Некоторые ожидали, что будет призыв к забастовкам и демонстрациям рабочих, чтобы поддержать требования партии «Народной воли». Особенно такое настроение наблюдалось в революционных кружках старого Арсенала, на заводе Голубева, за Невской заставой и на патронном заводе. Здесь некоторое время рабочие упорно ждали призыва. Они чувствовали, что им надо как-то отозваться на такое большое событие. Но, по привычке ждать распоряжения или указания сверху, сами они ничего не предпринимали, ни в чем не проявляли инициативы».

Убийство Александра II, конечно, взбудоражило деревню. Крестьяне действительно повсюду задавались вопросом: «Кто убил царя и за что его убили?» — в этом В. Фигнер не ошиблась. Во многих местах распространился слух, что царя убили дворяне-помещики, чтобы поставить нового царя и вернуть крепостное право. Кое-где произошли стихийные избиения тех, кто был одет в господское платье. Такие события произошли, например, на ярмарках в Вельегонске и в селе Молохово Тверской губернии. Однако на более активные и тем более осмысленные и повсеместные действия российская деревня того времени оказалась неспособной.

Между тем растерянность, поразившая в первое время правящие верхи, довольно быстро прошла, тем более что полиции уда-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 147—148.

лось произвести ряд важных арестов. Сначала только захваченному на месте покушения 19-летнему Рысакову власти могли предъявить обвинение в убийстве Александра II. И. И. Гриневицкий, доставленный в госпиталь, лишь ненадолго пришел в себя, но на все вопросы отвечал: «Не знаю» — и умер неопознанным. Однако уже на второй день морально сложенный Рысаков стал давать подробные показания. Они позволили жандармам 3 марта захватить квартиру на Теложной улице, была арестована Г. М. Гельфман. Н. А. Саблин застрелился. В засаду попал Т. М. Михайлов. 10 марта на Невском проспекте была опознана и задержана С. Л. Перовская. 17 марта арестовали Н. И. Кибальчича.

Окружение нового царя опасалось покушения на него во время похорон Александра II. Из-за этого был отложен суд над перво-мартовцами. Но все прошло спокойно. Исполнительный комитет «Народной воли» ничем, кроме выпуска прокламации, не проявил себя ни во время казни своих товарищей, ни после нее. Это дало правительству основание сделать вывод о слабости революционеров.

Тем не менее Лорис-Меликов считал необходимым продолжить политику заигрывания с либералами и советовал Александру III привлечь общественных деятелей из земств и городов для обсуждения некоторых государственных вопросов, к чему склонялся перед смертью его отец. В течение марта—апреля в правительстве продолжалось противоборство двух группировок. «Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие — за уступки»*. В консервативном лагере наиболее активно действовал воспитатель Александра III, обер-прокурор Синода Победоносцев. Он пишет царю обширное письмо, в котором заклинает своего воспитанника держать твердый курс на безусловное сохранение самодержавия:

«Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и Ваша: это ясно для меня, как день. Безопасность Ваша этим не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только расвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними не на живот, а на смерть, железом и кровью».

Победоносцев пугал Александра III призраком конституции и советовал убрать Лорис-Меликова. Царь ответил: «Благодарю от всей души за душевное письмо, которое я вполне разделяю».

В марте и апреле состоялось несколько совещаний с участием царя и без него. Лорис-Меликову и его сторонникам порой казалось, что их влияние одерживает верх, но на самом деле Александру III более импонировала линия обер-прокурора Синода. 29 апреля был опубликован составленный Победоносцевым манифест, где от имени царя провозглашалась незыблемость самодержавия:

«...Глас божий повелевает нам стоять бодро на деле правления в уповании на божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поплзновений».

В тот же день Лорис-Меликов подал прошение об отставке. Ушли в отставку также А. А. Абаза и Д. А. Милютин. Наступало беспросветное время, вошедшее в историю под названием реакции

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 43.

1880-х годов — периода контрреформ, когда правящие верхи России попытались, во многом преуспев, взять назад то, что вынуждены были уступить в 1860-х гг.

Либералы горестно вздыхали и упрекали революционеров за убийство Александра II, говоря, что тем самым они будто бы пресекли путь, ведущий к конституции. Но та жалкая подкачка, которую Лорис-Меликов и Александр II, возможно, дали бы обществу, была очень далека от подлинной конституции; к тому же при изменившихся в пользу правительства обстоятельствах ее легко было взять обратно. Да и эта маленькая уступка, если б она состоялась, была бы вырвана не либералами, а самоотверженной борьбой народовольцев в обстановке растущего народного недовольства.

Историки спорят: какая сила более всего заставила правительство колебаться — массовое движение или борьба народовольцев? Пожалуй, наиболее правильный, взвешенный ответ дал профессор П. А. Зайончковский:

«Именно героическая борьба народников явилась *непосредственной* причиной, вызвавшей растерянность правительственных кругов. Однако нельзя забывать, что сама по себе борьба народников являлась лишь выражением настроений крестьянства; она как в фокусе отражала недовольство его существующим положением, стремление к ликвидации феодально-крепостнических пережитков. Политический кризис самодержавия не достиг бы такой глубины, если бы правительство не боялось соединения стихийной борьбы крестьянских масс с политической борьбой революционных народников. Именно в этом оно усматривало главную опасность, что и обуславливало его огромное внимание к крестьянскому вопросу».

Были ли вообще в 1881 г. какие-либо шансы на то, что борьба «Народной воли» увенчается успехом? Выше была обрисована обстановка в стране: напряженность в деревне и в обществе и на этом фоне террор народовольцев, их героическая схватка с самодержавием. В. И. Ленин определил состояние страны в это время (примерно 1879—1881 гг.) как период революционной ситуации*. Налицо имелись такие ее элементы, как ухудшение положения народных масс, нарастание борьбы революционеров и несомненное колебание правительства. Но не было главного — мощного массового движения народа, рабочих и крестьян, их отчаянного, неурядимого желания сбросить с себя ставший нестерпимым гнет. Некоторый рост числа волнений и стачек был явно недостаточен для перерастания революционной ситуации в революцию, хотя он вызывал опасения властей и сыграл роль существенного фактора, оказавшего давление на правительство. Но в целом, как писал В. И. Ленин, «только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами»**.

Народовольцы оказались на острие борьбы. Но, не понимая необходимости согласовывать восстание с объективно назревшим подъемом народного движения, не сумев наладить достаточные связи с народом и армией, они истощили свои силы в неравной схватке и в конце концов потерпели закономерное поражение.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

** Там же, т. 5, с. 44.

Но царизм и после 1 марта боялся роста крестьянского движения и его соединения с борьбой «Народной воли»; именно поэтому власти предприняли ряд профилактических мер по крестьянскому вопросу. Народолюбцы не добились уступок от царизма в политической области, но их борьба имела по крайней мере косвенное влияние на уступки правительства крестьянам. Так, в дополнение к вынужденным мерам по некоторому облегчению положения крестьян, предпринятым Лорис-Меликовым в 1880 г., в течение 1881 г. сначала (22 мая) власти разослали циркуляр, запрещавший «временно» продавать крестьянский скот за недоимки, а затем правительство сочло за благо вообще сложить с крестьян накопившиеся недоимки и запретило до 1 января 1882 г. принудительно взимать с них налоги. Были снижены, в среднем на 35%, выкупные платежи за помещичьи земли, отошедшие к крестьянам по реформе 1861 г. В декабре 1881 г. полтора миллиона бывших помещичьих крестьян, все еще остававшихся из-за нежелания помещиков лишиться прежних оброков на положении «временнообязанных», были в обязательном порядке освобождены от повинностей помещикам, переведены на выкуп земли.

«Народная воля» после 1 марта переживала тяжелое время. Показания, данные Рысаковым, позволили Департаменту полиции произвести аресты не только активных членов «Народной воли», но и многих рабочих, входивших в известные Рысакову кружки. Исполнительный комитет вынужден был по соображениям безопасности переехать в Москву, где действовала группа во главе с П. А. Теллаловым и М. Н. Ошаниной.

В Петербурге продолжали функционировать студенческие кружки, в меньшей мере пострадавшие от арестов. Мало затронутой арестами оказалась и центральная Военная организация. Активизировались военные кружки на юге России — там несколько месяцев после марта 1881 г. действовала В. Н. Фигнер.

С лета 1881 г. руководство «Народной воли» склоняется к подготовке заговора главным образом силами военных. Деятельность среди рабочих продолжалась, но в меньших масштабах сравнительно с домартовским периодом. Не имея возможности организовать новое покушение на царя, Исполнительный комитет все же смог осуществить в марте 1882 г. убийство военного прокурора генерала В. С. Стрельникова, имевшего особые полномочия для борьбы с революционным движением в южнороссийских губерниях. За этот акт заплатили жизнью С. Халтурин и Н. Желваков.

Силы «Народной воли» таяли в неравной борьбе. Один за другим арестовывались члены Исполнительного комитета: П. А. Теллалов (декабрь 1881 г.), А. П. Корба, М. Ф. Грачевский, А. В. Буцевич (июнь 1882 г.). К лету 1882 г. уехали за границу М. Н. Ошанина и Л. А. Тихомиров. Из старого, «домартовского» Исполнительного комитета в России осталась одна В. Н. Фигнер. Она ввела в Исполнительный комитет несколько новых членов, пыталась восстанавливать и собирать силы. Но Исполнительный комитет уже не был таким авторитетным организующим и руководящим общероссийским центром, как раньше. Народолюбческое движение распалось на отдельные кружки. Жандармы продолжали собирать обильную жатву.

Но правительство все же опасалось «Народной воли». Коронация Александра III в Москве второй год откладывалась из-за боязни покушения. Директор Департамента полиции В. К. Плеве через арестованных народолюбцев зондировал почву: на каких условиях

Исполнительный комитет согласился бы не возобновлять террор на время коронации? В это время сильнейший удар по «Народной воле» был нанесен предательством С. П. Дегаева, кооптированного в члены Исполнительного комитета по рекомендации В. Фигнер. Дегаев выдал Военную организацию и раскрыл перед властями действительное незавидное положение всей народовольческой партии. С помощью Дегаева 10 февраля 1883 г. была арестована В. Н. Фигнер.

Последующие попытки восстановить «Народную волю» связаны с возникшей зимой 1883/84 г. «Молодой партией Народной воли» и с деятельностью Г. А. Лопатина, пытавшегося воссоздать старый народовольческий центр. Но арест в октябре 1884 г. Лопатина с находившимися при нем списками революционеров пресек деятельность и «старых», и «молодых» народовольцев. Затем попытка восстановить «Народную волю» была предпринята в 1885 г. на юге, но арест новых инициаторов — Б. Д. Оржиха и В. Г. Богораза — положил ей конец. В дальнейшем, в 80—90-х гг., существовали только отдельные кружки и группы народовольческого направления.

Былому расцвету «Народной воли» препятствовал и новый идейный кризис народничества, возникший на этот раз в связи с появлением первых социал-демократических групп и распространением марксизма. Воспоминания об этом периоде помещены в томе «От народничества — к марксизму» (Л., 1987).

Нередко задают вопрос: существовала ли во времена «Народной воли» реальная возможность какого-либо иного метода борьбы, кроме индивидуального террора? Довольно широко распространено мнение, что у революционеров конца 70-х гг. XIX в. была лишь одна альтернатива — либо террор, либо прозябание в деревенских поселениях. Однако вспомним: составители программы «Народной воли» не замыкались на одном терроре. Отвергнув террористические крайности Н. Морозова, О. Любатович и Г. Гольденберга, они провозгласили широкие планы деятельности среди молодежи, рабочих, военных, стремясь объединить вокруг себя недовольных самодержавным деспотизмом. Можно предположить: если бы Исполнительный комитет не поставил первоочередной целью убийство Александра II, то «Народная воля», скорее всего, сохранила бы в основном свои руководящие кадры и больше преуспела бы на организационно-пропагандистском поприще.

В. И. Ленин точно определил причину преобладания террористических настроений у народовольцев. «Террор, — писал он, — был результатом — а также симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания»*. Но отсутствие условий для восстания не означает, что революционерам остается заниматься только террором.

Правда, не все так просто. Мы сейчас знаем, что народные движения имеют свои приливы и отливы и что периоды затишья следует использовать для накопления сил к началу революционного подъема, зависящего от многих объективных и субъективных факторов. Догадывались об этом и некоторые революционеры 1870-х гг., например П. Л. Лавров. Но революционеры «Народной воли» не восприняли его взглядов. Раньше или позже они все равно прибегли бы к террору, потому что испытывали разочарование в революционных возможностях крестьянства, не считали необходимым ждать его стихийного подъема, а до тех пор по мере сил

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 180.

подготавливать его, переоценивали возможности революционной интеллигенции, не видели другого способа, кроме террора, добыть политическую свободу.

Первая народная революция в России наступила через четверть века после образования «Народной воли» — в 1905 г. Если б какой-нибудь прорицатель в 1880 г. дал такой прогноз, то можно с уверенностью сказать, что товарищам Желябова и ему самому этот срок показался бы слишком долгим. Они были уврены, что идут по более короткому пути к свободе — через террор и заговор. Это оказалось иллюзией. История освободительных движений неоднократно доказывала, что освобождение народа прочно и необратимо только тогда, когда в борьбу вовлекаются народные массы, причем участвуют в ней сознательно.

Нам, однако, легко судить об этом. Но революционеры семидесятых годов прошлого века шли неизведанной дорогой. Они уже испробовали «хождение в народ» и поселения в народе. Оставался террор, заманчиво сулящий близкую победу относительно малой кровью, без дремлющего пока народа, но, разумеется, во имя блага народа. Это была ошибка, но ошибка исторически обусловленная и исторически объяснимая. К ней привела логика конкретной революционной борьбы, поиски выхода из кризиса. Террор еще не был испытан — уже одно это являлось трудно отразимым доводом в пользу того, что его следует испытать.

Маркс и Энгельс полагали, что Россия находится накануне всеобщего крестьянского восстания, и в этой связи народовольческий террор казался им фактором, могущим вызвать революционный взрыв. Они видели в нем фитиль, поднесенный к пороховой бочке. Но такая оценка народовольческого террора основывалась на неполных данных о положении в России. (Подробнее см. примеч. 33 к воспоминаниям В. Н. Фигнер.)

Народовольческий террор породил самоотверженных героев, вступивших в отчаянную схватку с царизмом, который оказался вынужденным мобилизовать весь карательный аппарат, а с другой стороны — прибегнуть к политическим маневрам. На большее, однако, сил у «Народной воли» не хватило, да и не могло хватить. Террор, вопреки ожиданиям, не побуждал массы и общество вступить в борьбу; напротив — приучал их к пассивному ожиданию результатов единоборства революционеров с правительством. Передовая статья в январском номере «Народной воли» за 1880 г. была тревогу по этому поводу:

«...Партии необходима общая активная поддержка и обильный приток сил, необходимо движение *общее*. А у нас не только общество и народ остаются праздными зрителями борьбы, но даже сами социалисты часто склонны взваливать этот страшный поединок на плечи одного Исполнительного комитета».

В. И. Ленин назвал попытку народовольцев захватить власть посредством террора «величественной», но в итоге террор завел народовольцев в тупик — «революционеры исчерпали себя 1-ым марта» *

В настоящее время в целом ряде капиталистических стран экстремистски настроенные элементы сделали террор основным методом своих действий. Некоторые западные публицисты указывают на «Народную волю» как на родоначальницу современного терроризма, а организации типа «Красных бригад» в Италии «Action

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 173; т. 5, с. 44.

directe» («Прямое действие») во Франции объявляют последователями народолюбцев. Такие сопоставления антиисторичны.

«Народная воля» действовала при отсутствии массового движения; этим ее индивидуальный террор в какой-то степени имеет историческое оправдание. Сейчас в капиталистических странах существует массовое рабочее и крестьянское движение — террор ему только мешает.

«Народная воля» действовала в стране, где отсутствовали какие-либо политические свободы, и это морально оправдывало террористические акты. Члены Исполнительного комитета неоднократно заявляли, что немедленно прекратят террор, как только в России будет конституция. Отношение «Народной воли» к террору, практикуемому в демократической стране, четко выражено в заявлении Исполнительного комитета в № 6 «Народной воли» (от 23 октября 1881 г.) по поводу убийства президента США Д. А. Гарфильда. В нем говорилось:

«Выражая американскому народу глубокое соболезнование по случаю смерти президента Джемса Авраама Гарфильда, Исполнительный комитет считает долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито. В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей,— в такой стране политическое убийство как средство борьбы — есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своею задачею. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия».

В отличие от народолюбцев, современные террористы действуют, как правило, в демократических странах, и к ним полностью относятся слова осуждения из заявления Исполнительного комитета.

Наконец, народолюбческий террор был точно нацелен на конкретных представителей деспотической власти, при этом народолюбцы стремились по возможности избегать ненужных, случайных жертв. Современный террор зачастую направлен не против хорошо охраняемых политических деятелей, а против беззащитного населения — таким отвратительным способом некоторые террористические группы пытаются дестабилизировать обстановку в той или иной стране.

Индивидуальный террор не был взят на вооружение следующим поколением борцов за свободу России — пролетарскими революционерами, хотя они также действовали в условиях деспотизма. Но они унаследовали от деятелей «Народной воли» возрожденную имп традицию политической борьбы, героизм, преданность интересам народа, революционную энергию, навыки организации, дисциплины и конспирации. А народолюбческий террор послужил для них тем отрицательным историческим опытом, бесперспективность которого следовало учесть.

* * *

70-е и 80-е гг. XIX в. оставили последующему революционному движению не только наследство «Народной воли». Имелся еще не столь яркий и известный, но тем не менее исторически значимый опыт «Черного передела».

«Черному переделу» не повезло ни в жизни, ни в истории. Возникший в противовес «Народной воле», он с самого начала пребы-

вал в тени всероссийской и даже европейской славы Исполнительного комитета, громко заявлявшего о себе взрывами то царского поезда, то дворца, то, наконец, кареты. Не избалован «Черный передел», в отличие от «Народной воли», и вниманием историков. В 1920-е гг. отдельными сторонами его деятельности занимались главным образом Н. Л. Сергиевский, В. И. Невский и И. А. Теодорович. В послевоенное время появились обстоятельные статьи Ш. М. Левина и Е. Р. Ольховского; небольшой обобщающий очерк о «Черном переделе» имеется в коллективном труде «Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов» (автор очерка В. А. Твардовская). Главу о взаимоотношениях «Народной воли» и «Черного передела» посвятил в своей книге о «Народной воле» С. С. Волк. В остальных случаях о «Черном переделе» упоминается более или менее вскользь в связи с другими сюжетами. Книги о «Черном переделе» до сих пор нет, хотя, на наш взгляд, эта революционная организация заслуживает специального монографического исследования.

При разделе имущества «Земли и воли» народовольцы получили действующую землевольческую типографию (поскольку к ним пришло большинство), тогда как чернопеределцы только типографские принадлежности, купленные ранее «про запас», — их еще надо было перевезти из Смоленска, где они хранились. Поэтому печатно заявить о себе чернопеределцам пришлось, прибегнув к помощи своих бывших соратников по «Земле и воле». В первом номере газеты «Народная воля», вышедшем в начале октября 1879 г., было помещено «Объявление об издании газеты „Черный передел“». В нем кратко сообщалось о возникшей внутри «Земли и воли» «дифференциации» во взглядах на революционную деятельность и выражалась полная солидарность с прежним землевольческим народническим направлением. Свои намерения редакторы будущего печатного органа сформулировали в следующем тезисе: «Дальнейшее развитие этих (т. е. землевольческих. — Сост.) взглядов, определение задач партии в народе и *предостережение ее от излишнего увлечения задачами чисто политического характера*, могущего отвлечь партию от *единственно возможного для нее пути — агитации на почве требований народа*, выражаемых лозунгом „Земля и воля“» (выделено нами — Сост.).

Однако с газетой чернопеределцам не повезло. К январю 1880 г. народовольцы выпустили уже три номера «Народной воли», а в наконец-то налаженной (в ноябре 1879 г.) типографии на 14-й линии Васильевского острова только приступили к печатанию первого номера «Черного передела». Успели отпечатать более трех тысяч экземпляров, но в ночь с 28 на 29 января 1880 г. произошел провал: полиция открыла местонахождение типографии. Был захвачен готовый тираж, типографские принадлежности, арестованы работники типографии.

Первый номер «Черного передела» был заново отпечатан только летом 1880 г. за границей. Там же в сентябре был издан и второй номер. Программные статьи, помещенные в этих двух номерах, позволяют более подробно познакомиться с развитием взглядов чернопеределцев.

Первый номер открывался передовой статьей, написанной Г. В. Плехановым. Она так и называлась — «Черный передел». В духе народнической доктрины прошедшего десятилетия в статье утверждалось, что начинать надо не с политической борьбы, а с экономической земельной революции, которая «неизбежно поведет за

собою переворот во всех других общественных отношениях». Социально-революционная партия, говорилось в статье, должна побудить народ перейти от пассивного ожидания земельного передела сверху, по манию царя, к активному требованию земли и воли.

Во втором номере «Черного передела» со всей определенностью вызов заявлялось, что революционеры должны сосредоточить свои главные силы в деревне. Их задачей является возможно большее расширение районов народных волнений и внесение сознательности в стихийное крестьянское движение. Самых сознательных крестьян рекомендовалось объединять в народно-революционные организации. Деятельность среди рабочих представлялась только «необходимым дополнением к революционной деятельности в деревне».

14 марта 1881 г. «Черный передел» выпустил прокламацию, в которой приветствовал убийство Александра II, но в ней не было, как в аналогичной прокламации «От Исполнительного комитета», угрозы повторения террористических актов. Вместо этого был призыв к крестьянам и рабочим посылать ходоков друг к другу, объединяться, силой брать землю, не платить податей, не давать рекрутов.

В апреле того же года появился еще один программный документ «Черного передела» под названием «Программа народной партии». Как бы в противопоставление «Народной воле», только что пережившей свой триумф после казни Александра II, в чернопеределческой программе говорилось, что «народная партия должна составлять не внешнюю силу, на которую народ перенес бы свои упования, она должна срастись с народом, сделаться его частью». Такая партия должна состоять в большинстве из самих крестьян и рабочих, причем кадровых промышленных рабочих программа характеризовала как «весьма серьезную силу». В этом видно определенное изменение взгляда чернопеределцев на роль рабочих в революционном движении.

В отличие от народовольческой «Подготовительной работы партии», где говорилось о том, что «партия должна иметь силы *создать сама себе благоприятный момент действия*, начать дело и довести его до конца», в чернопеределческой программе высказывалось иное мнение: «Момент осуществления народных идеалов путем народной революции находится *вне прямой зависимости от желаний партии*» (выделено нами. — Сост.). Как видим, «Черный передел» твердо придерживался основополагающего народнического принципа — не только все для народа, но обязательно посредством народа.

Вместе с тем обстановка политического гнета, бесправия, полицейских репрессий, ожесточенная борьба «Народной воли» с самодержавием не могли не оказать влияния на чернопеределцев. Вслед за народовольцами они тоже эволюционировали в сторону признания важности борьбы за политические свободы. Г. В. Плеханов писал Лаврову в октябре 1881 г.: «История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней».

Во втором номере «Черного передела» признавалась, правда с существенной оговоркой, необходимость непосредственной борьбы с представителями государственной власти, «т. е. необходимость так называемого террора политического». Оговорка состояла в предупреждении не сосредоточивать на этой борьбе главные силы партии, поскольку это вошло бы в противоречие с основной задачей — подготовкой социальной аграрной революции. «Программа народной партии» уже конкретно перечисляла политические требования: лич-

ная неприкосновенность, свобода совести, слова, печати, собраний, союзов и др. «Народная воля» первая поняла значение этих свобод для борьбы за социализм, но зато чернопередельцы понимали политическую борьбу шире, чем многие народовольцы, они не сводили ее к одному террору и узкому заговору. В «Программе народной партии» политические требования выставлялись как повод «к массовой агитации». «Черный передел», таким образом, делал шаг к соединению политической борьбы с массовым движением. Через несколько лет Плеханов, став марксистом, теоретически обоснует необходимость такого соединения, а практически первым его осуществит ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В деятельности петербургской чернопередельческой организации различают два периода: с осени 1879 г. по январь 1880 г. и с февраля 1880 г. по конец 1881 г.

Сразу после разделения «Земли и воли» на две «партии» к «Черному переделу» примкнуло 24 человека. Наиболее известные среди них — Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, В. И. Засулич, М. Р. Попов, Л. Н. Гартман, П. Б. Аксельрод, Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, Г. М. Тищенко, Е. Н. Ковальская.

Как и народовольцы, чернопередельцы стремились увеличить свою численность прежде всего за счет студенчества; между ними шла настоящая борьба за молодежь. Известны факты активной пропаганды чернопередельцев среди студентов Технологического института, Медико-хирургической академии, университета, на Высших женских курсах и др. К чернопередельцам примкнул образовавшийся в первой половине 1879 г. кружок «молодых землевольцев».

В соответствии с программными установками члены «Черного передела» попытались установить связи в крестьянстве. Уже говорилось, что Я. В. Стефанович строил планы вновь заняться организацией восстания крестьян в Чигиринском уезде Киевской губернии. Но разведка, произведенная М. Р. Поповым и Н. Н. Петровым, показала, что это придется «временно» отложить. В дальнейшем деятельность чернопередельцев среди крестьян ограничивалась легучим распространением прокламаций. Постоянную пропаганду в деревне вели только некоторые чернопередельцы-одиночки.

Практически вся пропаганда «Черного передела» вне интеллигентской среды сосредоточилась в рабочих кварталах Петербурга и некоторых других городов. Здесь они часто встречались с пропагандистами из «Народной воли». Не вступая, как правило, при рабочих в идейную полемику, и народовольцы, и чернопередельцы, разумеется, старались проводить свою линию: народовольцы делали упор на поддержку рабочими в нужный момент решающих террористических актов, чернопередельцы больше говорили об организации народных сил в городе и деревне, о выработке из крестьян и рабочих сознательных социалистов. Но были и общие темы — например показ механизма эксплуатации, борьба с царистскими иллюзиями.

Наладившаяся было организационная, пропагандистская и литературная деятельность «Черного передела» была прервана в начале 1880 г. провалом типографии, арестами ряда видных членов и вынужденным отъездом за границу Г. В. Плеханова, Л. Г. Дейча, В. И. Засулич и Я. В. Стефановича.

Все же в Петербурге и на периферии осталось достаточно чернопередельческих сил, чтобы через непродолжительное время восстановить организацию, но это была уже деятельность чернопередельцев так называемого «второго призыва». По подсчетам Е. Р. Ольховского в петербургском чернопередельческом кружке в феврале—

марте 1880 г. действовало около сорока человек. Наиболее влиятельными среди них были А. П. Буланов, П. Б. Аксельрод и М. К. Решко. Петербургские чернопеределцы поддерживали довольно тесную связь с уехавшими за границу, сообщали им о своих делах, согласовывали программные документы.

Конечно, прежде всего им хотелось восстановить типографию. В Петербурге сделать это не удалось; некоторое время обходились гектографами. Новая типография «Черного передела» заработала только в конце 1880 или даже в начале 1881 г., в Минске. В ней, в частности, были напечатаны № 3, 4 и 5 газеты «Черный передел».

Довольно успешно чернопеределцами «второго призыва» была продолжена деятельность среди рабочих. В октябре 1881 г. П. Б. Аксельрод сообщал П. Л. Лаврову: «У питерских чернопеределцев хорошо организованы 150 рабочих». Тома следственных дел содержат целый ряд фамилий пропагандистов-чернопеределцев и затронутых их пропагандой рабочих, называют многие фабрики и заводы Петербурга, где были раскрыты рабочие кружки. Историки теперь устанавливают их чернопеределческий или народовольческий характер, но в то же время отмечают нередкие факты совместной деятельности представителей двух народнических «партий». Бывало, что чернопеределцы использовали для пропаганды народовольческую литературу и наоборот, но, конечно, только в том случае, если она не имела ярко выраженного политического или, напротив, анархического характера. Так, независимо от фракционной принадлежности читались рабочим народовольческая «Рабочая газета» и выпускавшийся в виде приложения к «Черному переделу» рабочий листок «Зерно». Он с третьего номера также печатался в минской типографии; всего вышло шесть номеров тиражом от тысячи до полутора тысяч экземпляров. По мере эволюции «Черного передела» к признанию необходимости политической борьбы сглаживались разногласия между ним и «Народной волей» на почве практической пропаганды среди рабочих. Народовольцы и чернопеределцы, случалось, оказывали друг другу взаимнообразно финансовую помощь или какие-либо другие услуги.

Чернопеределцы вели пропаганду также и среди военных. Еще в конце 1879 г. существовал военный кружок чернопеределческого направления в Морском училище. Чернопеределцы «второго призыва» укрепили связи с офицерами Кронштадта и Гельсингфорса. В отличие от народовольцев они обращали внимание на пропаганду не только среди офицеров, но и среди матросов. Е. П. Серебряков сообщает, что офицеры, примыкавшие к «Черному переделу», «организовали на переделческой программе от 80 до 100 матросов». Есть и другие свидетельства о пропаганде чернопеределцев среди «пижонских чино»». Но «Черный передел» не имел специальной централизованной военной организации, тем более такой разветвленной, как у «Народной воли».

Вообще чернопеределцы не признавали централизм и строгого подчинения какому-либо руководящему органу, наподобие народовольческого Исполнительного комитета. У них не было строгих правил приема новых членов. Кроме Петербурга кружки чернопеределческого направления существовали в Москве, Харькове, Казани, Киеве, Одессе, Минске, Гельсингфорсе. Отношения между ними и петербургским чернопеределческим кружком строились на началах федерализма, при полном признании самостоятельности каждого в своих делах. В некоторых случаях это отрицательно сказывалось на революционной работе.

Тем не менее определенный авторитет и влияние на местные кружки у петербургского кружка были, особенно в первый период его деятельности. Но провал минской типографии в декабре 1881 г. и новые аресты положили конец «Черному переделу» как более или менее целостной организации.

Независимо от этого заграничные чернопеределъцы во главе с Плехановым постепенно, начиная с 1882 г., эволюционировали к марксизму. В 1883 г. они открыто порвали с народничеством и образовали известную группу «Освобождение труда», занявшуюся идейной борьбой со всеми разновидностями народничества и пропагандой марксизма в России.

Часть чернопеределъцев перешла на позиции либерального народничества, занялась не революционной, а культурно-просветительной деятельностью.

Довольно много чернопеределъцев примкнуло к «Народной воле». Идейное сближение в вопросе политической борьбы, обоюдное внимание к рабочим на народнической основе и необходимость сплочения революционных сил, особенно в период наступления реакции после 1 марта 1881 г., было основой взаимного стремления к более тесному взаимодействию и даже слиянию. Вернее, речь шла о присоединении ряда чернопеределъческих кружков и отдельных чернопеределъцев к «Народной воле».

Ослабленная «Народная воля» была заинтересована в притоке дополнительных кадров. Переговоры об объединении велись как с заграничными чернопеределъцами, так и с теми, кто действовал в России. Г. В. Плеханов вел эти переговоры с большой долей скептицизма, но и с некоторой надеждой на то, что на почве определенного интереса народовольцев к рабочим их можно будет убедить в необходимости образования в России особой рабочей партии, а отсюда как будто бы было недалеко до обращения народовольцев в социал-демократов. Но эти расчеты оказались ошибочными, соглашение не состоялось, хотя В. И. Засулич и Л. Т. Дейч очень его хотели.

Из заграничной чернопеределъческой группы вернулся в Россию и примкнул к «Народной воле» в конце 1881 г. один Я. В. Стефанович. Под его влиянием к «Народной воле» присоединились группы чернопеределъцев в Петербурге, Москве, некоторых других городах, но присоединились они не столько на идейной, сколько на практической почве, объединяя усилия главным образом для пропаганды среди рабочих.

Однако «Народная воля» не поглотила все чернопеределъческое народничество в России. На протяжении 1880-х гг. оставалось еще довольно много революционеров, входивших уже не столько в чернопеределъческие кружки, сколько просто в «ненародовольческие». Деятельность такого рода кружков прослеживается в Петербурге до 1885 г., в Москве до 1887 г., в Харькове и Казани до 1889 г.

Сравнительно с «Народной волей» «Черный передел» пользовался намного меньшей популярностью среди демократической молодежи 1880-х гг., в его активе нет громких дел, он не создал централизованную всероссийскую организацию. Тем не менее его роль в революционном движении не следует и преуменьшать. Главное — «Черный передел» не дал прерваться важнейшей традиции русского революционного движения, идущей от Герцена и Чернышевского и провозгласившей незыблемый постулат: освобождение народа только посредством самого народа. И совсем не случайно, что именно из «Черного передела» вышли первые русские марксисты.

«Нам выпало счастье — все лучшие силы в борьбе за свободу всецело отдать» — эти строки из тюремного стихотворения В. Фигнера равно относим и к народовольцам, и к чернопеределцам. В томе представлены воспоминания тех и других.

Первые два автора — М. Фроленко и О. Аптекман — рассказывают о расколе «Земли и воли»: первый — с позиций народовольца, второй освещает те же события в восприятии чернопередельца.

Ставшие классическими воспоминания В. Фигнера — самые обширные в сборнике. Они позволят читателю познакомиться с основными вехами борьбы «Народной воли» с августа 1879 г. по конец 1881 г.

Далее идут воспоминания о «Черном переделе» (Р. Плехановой) и два воспоминания о становлении подпольных типографий двух образовавшихся на месте «Земли и воли» организаций.

Следующие три воспоминания посвящены отдельным сторонам деятельности «Народной воли» — среди военных (Е. Серебряков), рабочих (Н. Салова), студентов (К. Загорский).

Имя Н. В. Клеточникова известно каждому интересующемуся историей «Народной воли». Но воспоминания А. Прибылевой-Корбы, вероятно, добавят новые штрихи к его портрету.

Очерк Л. Тихомирова о С. Халтурине и воспоминания А. Тыркова описывают подготовку покушений на Александра II.

Далее снова О. Аптекман и О. Буланова-Трубникова возвращают читателя к малоизвестной истории «Черного передела».

Мемуарная литература о пребывании революционеров в тюрьмах и на каторге очень обширна. Но объем сборника позволил нам дать лишь одно воспоминание такого рода — М. Тригоны.

Заключает том отрывок из воспоминаний Г. Плеханова.

Хронологические рамки данного сборника воспоминаний невелики — всего три с половиною года. Но это — период революционной ситуации, время особого накала революционной борьбы. Наконец, это последние годы безраздельного господства народничества внутри разночинского периода освободительного движения в России. Пройдет еще год-два — и ему придется потесниться: на историческую арену вступит молодая российская социал-демократия, вооруженная теорией марксизма.

Но жертвы революционеров-народников были не напрасны, «несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа» *.

*В. Н. Гинев,
А. Н. Цамутали*

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.